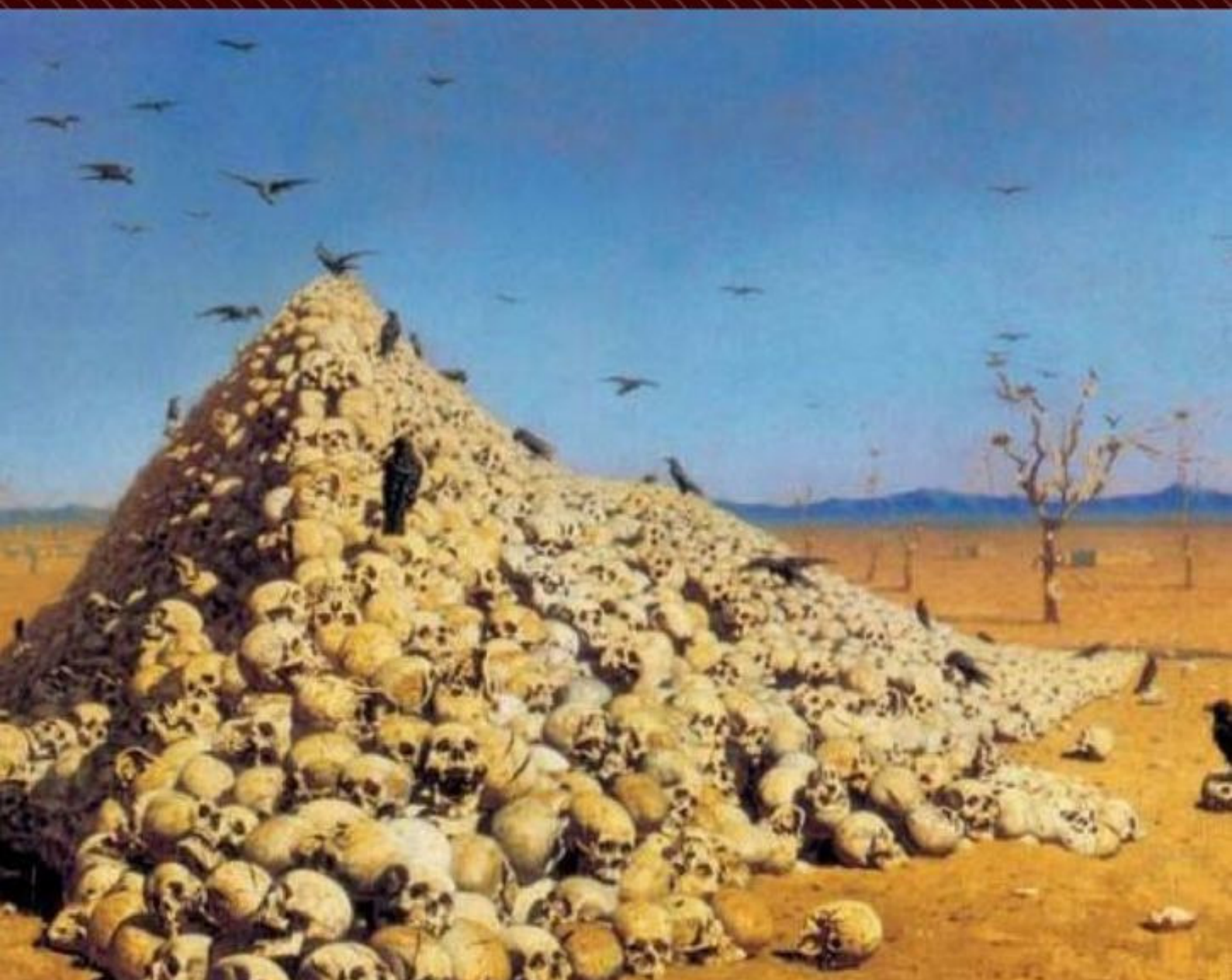

акким драников

18+

пантеон 1

МИР ТВОИХ КОШМАРОВ

Акким Драников

Мир твоих кошмаров. Пантеон 1

«Издательские решения»

Драников А.

Мир твоих кошмаров. Пантеон 1 / А. Драников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-964840-2

Это мир оживших человеческих страхов, наших с вами ночных кошмаров. Здесь они обретают реальное воплощение и ведут безжалостную охоту на человека. Из этого мира есть единственный выход, доступный лишь немногим счастливицам. Остальных ждет кровавая борьба за существование, выживают в которой единицы.

ISBN 978-5-44-964840-2

© Драников А.
© Издательские решения

Мир твоих кошмаров
Пантеон 1
Акким Драников

© Акким Драников, 2019

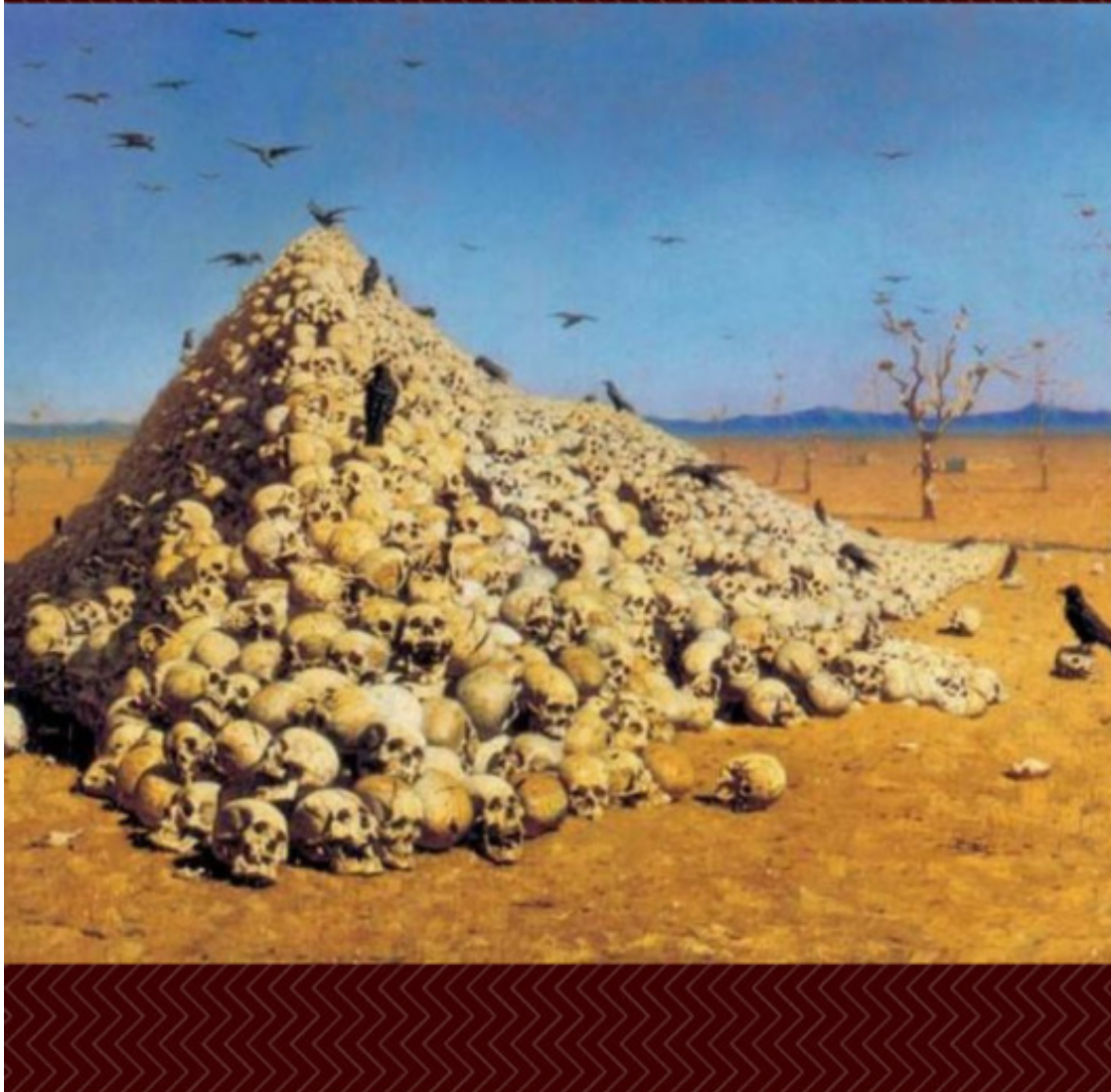
ISBN 978-5-4496-4840-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

акким драников

пантеон 1

мир твоих кошмаров

Степь простиралась, словно безбрежное зеленое море, тут и там расцвеченное яркими головками цветов – синими, красными, желтыми, фиолетовыми. Легкий ветерок раскачивал траву, что напоминало рябь на поверхности воды во время бриза. А стоявший в отдалении вытянутый холм мог показаться внезапно вздыбившейся волной, предвестницей надвигающейся бури.

По степи, то и дело настороженно оглядываясь, шли два человека, один, вооруженный ружьем и пистолетом, другой только ружьем.

– Считай, добрались, – высокий худой мужчина с черной шевелюрой ткнул пальцем в сторону холма, который при ближайшем рассмотрении оказался разделенным на две части узким проходом.

– Считай, все только начинается, – возразил молодой парень среднего роста.

Мужчина промолчал, только ускорил шаг, но, добравшись до прохода, радостно заметил:

– Ну вот, я же тебе говорил, Максимка! Глянь, сплошная рожь! Есть тут корень, как ему не быть!

– Чего же тогда остальные разведчика мимо прошли, а, Грач? – скептически поинтересовался парень.

– Наверное, в тот момент глаза у всех дружно переключались на задницы. А, если серьезно, зрение у меня орлиное и я в нужный момент смотрел в правильную сторону. Вот и заметил сквозь расщелину головки ржи... Все, Максимка, живем, доставай копалку. Пусть наши уроды нервно курят в сторонке. Ишь, чего удумали, гнать меня из команды. И за что? За то, что я бармалея собздел! Да любой бы собздел, когда этот упырь прет на тебя танком с открытой пастью! Я с ними четыре месяца кантовался, самолично десяток плантаций отыскал, а они меня из-за бармалея пинком под задницу, от которого я улетел прямым курсом в рубщики хлебного дерева. А я не хочу в рубщики хлебного дерева, мне еще жизнь дорога, даже такая, как здесь.

Грач, просочившись сквозь расщелину между холмами, начал методично раздвигать стебли ржи и вскоре воскликнул, хотя и специально понизив голос, но вполне себе жизнерадостно:

– Ес! Максимка, копай давай, я на стреме постою.

– А, может, ну его на фиг? Место нашли, чего еще надо?

– Молодой ты еще, глупый. Одно дело слова, и совсем другое, когда мы притарабаним вещественные доказательства, корни Химеры.

– Думаешь, ради этого чужаки выполнят наши требования?

– А куда они денутся? Здесь по минимуму десяток билетов на Райский остров. Да и не так уж много мы хотим. Тебя пристроим подмастерьем к какому-нибудь столяру или кожевнику, а я на крайняк согласен даже в разведку ходить, только без всяких переводов в рубщики. Хотя, конечно, лучше в городе сидеть. Если здесь возьмут богатый урожай, я обязательно вытребую место охранника, – размышлял Грач, и вдруг его лицо исказила гримаса ужаса. – Трындец котят! Молись, парень, если умеешь, зомбаки пожаловали.

Фраза эта не была преувеличением или грубым сравнением. В сторону мужчин двигались самые настоящие зомби: черепа, обтянутые гниющей плотью, неестественно увеличенные челюсти, руки до колен, заканчивающиеся острыми когтями, шаркающая походка.

Мужчины вскочили и занялись странным на первый взгляд делом – выщелкивали из магазинов одни патроны и вставляли другие, цвета серебра.

Когда зомби приблизились где-то на тридцать метров, мужчины начали стрелять. Один зомбак рухнул замертво, второй прилично захромал.

– Хорошо целься, Максимка, и не паникуй, возьми себя в руки. У нас патронов столько же, сколько тварей. Еще один промах, и лучше самому застрелиться.

Н-да, иногда лучше молчать, чем говорить. Одних людей смертельная угроза заставляет мобилизоваться, выложиться до конца, проявить все свое умение; других вгоняет в ступор, лишает даже того малого, что мог человек в обычной ситуации. Максим был из последних. Уже при виде зомби руки у него заходили, как у алкаша, сутки обходившегося без выпивки. Слова Грача лишили парня остатков самообладания. Почти не целясь, он выпулил оставшиеся патроны и, отчаянно завопив, ударился в бегство.

– Ну и правильно, – мог бы подумать сторонний наблюдатель, окажись он каким-то чудом рядом с местом событий. – Зомби плетутся, будто, простите за каламбур, на собственные похороны. Я вообще не понимаю причины истерики. Ну, постреляли мужики, раз так хотелось, а теперь ноги в руки – и мертвякам останется только печально размышлять о преимуществах бега над медленной ходьбой.

Опасно торопиться с выводами. К Максиму каким-то непостижимым образом перенеслось сразу несколько зомби. Они крепко ухватили его и начали жадно рвать человеческое тело мощными челюстями. Раздался жуткий крик, резко оборвавшийся на самой высокой ноте.

– Засранец! – прочитал Грач, наверное, самую короткую надгробную речь в истории человечества.

Он хладнокровно расстрелял все патроны, уложив еще пяток тварей, а затем зарядил в пистолет новую обойму и приставил дуло к виску.

– А ведь так хорошо начиналось! – тоскливо молвил он.

И грянул выстрел.

– Да, Фролов, хорошо, когда предки круглое лето торчат на даче, правда? – Оксана смотрела не на Валерия, а на пузырьки, густо облепившие стенки бокала с дешевым шампанским. – Можно девушку к себе привести. Как бы к себе.

– Можно, – покорно согласился Валерий, стараясь держать себя в руках.

Все же у мужчин и женщин во взглядах на цель знакомства различий заметно больше, чем совпадений. Оксана у Валерия была не первой, и всегда события развивались по одному и тому же сценарию. Только сроки различались. Неизменно женщины начинали бдительно присматриваться к материальному благосостоянию своего любовника. Цветы, шампанское, походы в театр и на концерты их уже не устраивали. На такое мог раскошелиться даже человек бедный, ужав какие-то другие статьи расхода. Нет, женщины просто жаждали выяснить всю подноготную кредитной истории своего кавалера. Так уж они устроены, всего после нескольких свиданий видят в мужчине потенциального мужа. И хотят понять, на какие шиши он ее будет обеспечивать, покупать колечки, шубки, модные платья и сапожки. Ну и квартирный вопрос, само собой, их будоражит до чрезвычайности.

Но, возможно, Оксана не стало бы так язвительно намекать, что Валерий не хозяин в этом доме, если бы он всего пятнадцать минут тому назад не продемонстрировал чудеса непонятливости. А ведь Оксана была непоколебимо уверена, что выбрала самый лучший момент, дав своему любовнику отдышаться после бурных и продолжительных... нет, не аплодисментов, если вдруг кто-то так подумал. В общем, женщина решила, что удовлетворенный мужчина с радостью выполнит ее маленький и при этом не очень дорогой каприз. Но Валерий сделал вид, будто ее прозрачные намеки являются непостижимой загадкой для его ума.

Оно ему надо – за здорово живешь выкидывать четыре тысячи рублей на флакон духов. Нет, один раз еще можно, но если такое станет повторяться после каждого секса, что весьма вероятно... Проститутка дешевле выйдет!

Фролов работал в частной конторе наемным служащим, и хотя, будучи на хорошем счету, имел все перспективы для карьерного роста, сейчас зарабатывал довольно скромно. Больше того, Валерий был слегка помешан на реконструкторстве, на это у него уходило около трети зарплаты, и менять финансовые расклады в пользу запросов любовницы он не собирался категорически.

– Ладно, давай выпьем за понятливых мужчин, – подпустила Оксана еще одну шпильку, и, не дожидаясь ответа, поднесла бокал к губам.

Фролов молча последовал ее примеру, опрокинув стопку недорогого вискаря. Напряженность сохранилась и, казалось, имелось только два пути: либо быстрое примирение, либо грандиозная ссора. Но женщины умеют держать интригу. Отставив бокал, Оксана с посредственно сыгранной озабоченностью глянула на часы и, хотя едва перевалило за девять, решительно заявила:

– Мне домой пора, родители будут волноваться.

Ага, конечно. Когда возвращалась в первом часу – не волновались, а сейчас на стенку лезут от беспокойства за единственную дочь. Но Валерий сдержал готовое сорваться с губ ехидное замечание. Себе дороже. Зачем ему сейчас лишние разборки? Вот обдумает все спокойно, решит, нужна ему Оксана или нет, тогда можно и нарываться. Или, наоборот, загладить вину ценным подарком. Но сейчас надо вести себя так, будто ничего не случилось. И надеяться, что Оксана тоже по дороге обойдется без нового выяснения отношений. Тем более, идти им всего ничего, минут десять.

Между домами Валерия и Оксаны лежал небольшой парк. Достаточно пересечь его, и девушка на месте. Нет, Фролов не выбирал новую подружку по территориальному при-

знаку, так случайно вышло. Но получилось удобно, учитывая то, что у Валерия не было своей машины, и если возникала острая необходимость, он пользовался родительской «Шкодой».

Оксана явно что-то почувствовала. Как ни крути, мужская интуиция лишь жалкое подобие интуиции женской. Девушка в лучших английских традициях завела разговор о погоде, которая в эти дни заслуживала только добрых слов. Конец июня и начало июля выдались солнечными, но не жаркими, а теплыми, сказывалось влияние слабого ветерка, постоянно дувшего с севера. Кажется, антициклон, хотя от метеорологии Фролов был так же далек, как от Антарктиды.

Разговор о погоде Валерий поддержал и даже старательно развил, чтобы избежать других, чреватых тем. Но у подъезда Оксана, уклонившись от традиционного поцелуя, холодно сказала: – Звони, Фролов, только сначала догадайся, что я тебе хотела сказать.

А что тут догадываться? Куда сложнее было решить, чем пожертвовать, своим увлечением или отношениями с симпатичной и, чего уж скрывать, весьма сексуальной подружкой.

Впрочем, сейчас Валерию было не до размышлений. Слишком много «Колы» он выхлебал, разгорячившись после секса. Нужда подпирала его еще дома, но он опрометчиво решил, что успеет проводить Оксану и вернуться. Все же хорошо, что обратная дорога лежала через парк, а не оживленные улицы. Фролов шмыгнул в ближайшие кусты, сделал свое дело, развернулся и остолбенел. Буквально перед его носом возник шарик насыщенно бирюзового цвета величиной с теннисный мячик. Шарик, бледнея, начал быстро расти, через какой-то десяток секунд полностью окутав молодого человека полусферой, скрывшей от его глаз окружающие предметы. Валерий ощутил легкую тошноту, словно он летел на самолете, попавшем в воздушную яму. Потом тошнота исчезла – вместе с загадочной полусферой.

– Чё за фигня! – пробормотал Фролов, открывая глаза и тут же зажмурившись от яркого света. – Ой, ё, кажись, я наркотой надышался. Глюки конкретные.

Перед собой он видел лес. Именно лес, а не парк, к тому же заросший какими-то совершенно неизвестными деревьями. И видел хорошо, поскольку был разгар солнечного дня. Валерий протянул руку, сорвал тонкую ветку с ближайшего дерева и ткнул себе в палец. Больно. То есть галлюцинации под большим вопросом. Но что же тогда получается? А получается, что его усыпили какой-то дурью и отвезли за тридевять земель, возможно, даже, в тридцатое царство. Ведь той растительностью, которую сейчас наблюдал Фролов, в средней полосе могли любоваться только посетители какого-нибудь ботанического сада. Но для ботанического сада здесь все было слишком дико, запущено. И птицы вокруг чирикали как-то совсем не по-домашнему.

Получается, Валерий минимум сутки провел в отключке. За это время кто-то погрузил его в самолет и увез далеко-далеко от дома. Он еще раз внимательно огляделся и для убедительности хорошенько пнул ствол дерева. То даже не шевельнулось. Настоящее, не картонное.

– Ага! – пришла на ум Валерию спасительная мысль. – Походу, затеяли новое телевизионное шоу. Ну да, ради высоких рейтингов изгаляются, как могут. К тому, что участников заранее предупреждают о ждущих их испытаниях, зрители давно привыкли, поэтому удумали хватать людей внезапно. Вот уроды! Ну ничего, ща я из вашей аппаратуры сделаю качественный металлолом.

Походив, Фролов нашел кол подлиннее и стал осматривать деревья в поисках замаскированных видеокамер. На это дело, оказавшееся абсолютно бессмысленным, он убил минут сорок. Отчаялся и вытер о рукав рубашки попутно найденный экзотический плод. Таких Валерий в жизни своей не видел. Хотя мало ли каких тропических фруктов ему не доводилось встречать. Папайя, маракуйя, гуанабана – перечислять упаришься! Фролов впился зубами в мякоть. Вкусно! Отличный десерт после сегодняшнего застолья. Хотя сегодняшнего ли? Кстати, почему, если его везли минимум сутки, он совершенно не чувствует голода? Вливали в рот бульон, пока он валялся без сознания? Ага, делать им больше нечего. Участник нового шоу должен быть голоден, чтобы зрители сразу видели, как он мечется по лесу в поисках еды.

Кроме того ему придется выполнять разные глупейшие задания, подогревая интерес публики к его робинзонаде. То есть где-то спрятаны закладки, и там кроме записок должны быть разные нужные предметы вроде зажигалки, посуды, а то и примитивного охотничьего оружия.

– Вот этим я и займусь, – решил Фролов, одновременно испытывая раздражение из-за того, что ему приходится идти на поводу коварных организаторов шоу.

Но что поделаться? Не питаться же одними фруктами. Да и если он сломает задуманный сценарий, запросто может прилететь обратка. Ведь столько денег на него угрожали, один перелет стоил больше, чем Фролов зарабатывал за несколько месяцев. Если он заартачится, обратное, чего доброго, придется добираться пешком.

Валерий в очередной раз огляделся. Надо же, как он сразу не заметил! Между деревьями петляла узкая тропинка. Даже, скорее, не тропинка, а намек на нее. Просто земля была утоптана заметно сильнее, чем где-то еще. Ну хоть какой-то ориентир. Лучше идти по уже кем-то проторенной дороге, чем бродить наугад.

Впрочем, вся ходьба заняла от силы минут пять. Через означенное время Фролов вышел на опушку и остановился, озадаченно разглядывая открывшуюся перед ним картину, пробуждающую ассоциации с известной детской сказкой. От центра поляны расходилось множество тропинок. Валерий не поленился и сосчитал – их было ровно тридцать. Восемнадцать из них были ярко освещены, причем источника света Фролову обнаружить не удалось. Да и не в этом суть. Валерию явно намекали, чтобы он двинулся по одной из освещенных тропинок. Но Фролов был русским человеком. К тому же он все еще злился на организаторов шоу. И поэтому шагнул на тропинку неосвещенную, за что был немедленно наказан. Тело пронзила боль, словно от прикосновения к электрическому проводу.

– Уроды! – яростно выкрикнул Фролов.

Действительно, разве нельзя было как-то гуманнее дать понять, что на неосвещенные тропинки путь заказан.

– Я вас, сволочи, по судам затаскаю! – добавил Валерий, при этом понимая безнадежность такой затеи.

Даже если сейчас идет запись, этот кусок преспокойно удалят. И доказывай потом, что ты не верблюд. Есть только один способ наказать мерзавцев, и Валерий двинулся обратно в лес. Пусть ищут других участников своего представления.

Он сделал всего несколько шагов и уткнулся в стену. Невидимую, однако по прочности вряд ли уступающую каменной. Фролов обошел всю поляну, и везде наткнулся на загадочную преграду. Вот тут у него возникли первые сомнения. Он никогда не слышал, чтобы где-то в мире изобрели невидимую стену. Насколько знал Валерий, земные технологии до таких чудес еще не доросли. Он снова подумал о галлюцинациях, вызванных каким-то новейшим и очень качественным препаратом. Уж очень эти глюки походили на реальность.

– Интересно, если ступить на одну из светящихся дорожек, где я окажусь? Вдруг дома? – подумал Фролов и после некоторых колебаний двинулся в центр поляны.

Еще с минуту он выбирал дорожку, а потом шагнул на ближнюю к нему. Других телодвижений не понадобилось. Вот только оказался Валерий не дома, а у высоких деревянных ворот, обитых железом. С обеих сторон от ворот тянулись вкопанные в землю толстые бревна высотой метров пять. Фролов застыл в нерешительности. Этого времени хватило, чтобы одна из створок ворот распахнулась, и к Валерию вышел мужчина лет тридцати. Одет он был своеобразно, в нечто, похожее на пижаму цвета хаки. С правой стороны груди на пижаме была вставка оранжевого цвета с надписью «Херсон».

– Добро пожаловать на Пантеон, – сказал мужчина, и в его интонации Фролову почудилось едва уловимое злорадство.

– Пантеон? Это так называется шоу? – вернулся Валерий к своей второй версии.

– О, еще один наивный фантазер объявился, – усмехнулся мужчина. – Да любой из нас с радостью отдал все, что у него есть, если бы это было шоу. Нет, дружок, Пантеоном называется планета. Какой-то шутник давным-давно это название придумал. У нас тут хватает любителей черного юмора. Знаешь, что такое пантеон?

– Кажется, так в древние времена называли собрание местных богов.

– В точку. Только здесь собрание не богов, а наших с тобой кошмаров.

– Это как? И для чего? – не понял Валерий.

– Как – не знаю, хотя, скорее всего, шуточки очень продвинутой цивилизации. А вот на твой второй вопрос ответить легче легкого. Для того, чтобы мочить нас, простых смертных... Не веришь мне. По физиономии вижу. Ничего, это пройдет, достаточно будет тебе увидеть мешочника или нестояка?

– Кого увидеть? – не понял Фролов.

– Много кого. Еще раз повторяю, это мир наших с тобой кошмаров. Кто-то в детстве боялся Горыныча, бабу-Ягу или доктора со шприцем. Кто-то, насмотревшись фильмов про зомби или вампиров, страшился их нападения. Вот они все здесь, как и многие другие. Но есть и довольно своеобразные кошмары. Например, женщина бережет фигуру, сидит на диете, и ей снится, как она ночью лезет в полный еды холодильник. А знаешь, сколько мужиков боятся стать импотентами? Вот и шастают по нашим землям холодец с нестояком. Только ты не думай, что эти кошмары несерьезные, любой из них способен убить безоружного человека. А от некоторых и оружие не спасает, тем более что с ним у нас беда. По большому счету нет ничего серьезнее автоматов. А против Годзиллы или покемонов они чуть лучше детской рогатки. Впрочем, покемонов, если умеешь, можно саблех нашинковать.

– Я вообще удивляюсь, откуда у вас оружие.

– Сейчас поймешь. Это первое испытание, которое выпадает новичку. Идем, а то что-то долго я держу гостя у порога. Впрочем, ты уже и не гость вовсе, а житель Пантеона и конкретно города Херсона. И лишь от твоих умений зависит, насколько долго ты в нем задержишься.

Они прошли в то, что мужчина назвал городом, хотя на взгляд Фролова Херсон скорее являлся деревней, только четко структурированной. Перед собой Валерий увидел строгие ряды одинаковых одноэтажных домишек. В центре находилась круглая площадь диаметром метров семьдесят. С одной стороны за домами виднелось открытое пространство. Почему оно не было застроено, для чего предназначалось – Валерий понять не сумел. Они уже оказались на площади, и мужчина подвел новичка к большому матовому экрану около метра по диагонали.

– Компьютерные игры тебе знакомы? – спросил он.

– Одно время здорово ими увлекался.

– Замечательно. Сейчас поиграешься. Только учти, дело это очень серьезное, от него во многом зависит твоя будущая жизнь. Тебе на выбор предложат семь уровней. И пройти можно только один, а не то, что проскочил первый и поднимаешься на второй. Заруби на носу, для тебя это жизненно важно. Пойдем дальше. Если выберешь и пройдешь первый, тебе дадут холодное оружие ближнего боя: сабли, мечи, копья. Второй уровень – арбалеты, охотничьи ружья, пистолеты. Третий – автоматы и нарезные винтовки. Четвертый – тяжелые пулеметы, пушки, минометы, огнеметы.

– А пятый? – спросил Валерий поскольку мужчина замолчал.

– Пятый еще никто не проходил. Как и шестой с седьмым. Можно только догадываться, какие там сюрпризы. Хотя седьмой уровень почти наверняка прямая дорога на Райский остров.

– Что за остров такой?

– Место, куда мы все стремимся попасть. Но тебе еще рано об этом думать, сейчас твоя главная задача – обзавестись оружием.

– Хорошо, забыли про остров. А что происходит с теми, кто проигрывает игру?

– Ничего. Они уходят с пустыми руками. А оружие здесь строго индивидуальное, ты не сможешь выстрелить из чужого автомата или пистолета.

– Вот засада! Мне почему-то кажется, что профессиональные вояки не самые большие знатоки компьютерных игр.

– Молодец, ухватил самую подлую суть этой игры. Нормальное оружие слишком часто достается штафиркам-ботаникам, с трудом отличающим приклад от магазина. Хотя бывают приятные исключения. Но мы заболтались, а система не любит, когда долго висят над ее душой.

– У этой фиговины есть душа, – скептически хмыкнул Фролов.

Вместо ответа мужчина подтолкнул его к матовому экрану. И тот моментально осветился ярким светом, а в руках у Валерия оказался привычный джойстик. Ну хоть в этом загадочные хозяева планеты облегчили условия игры. А то бы подсунули свой девайс, и ломай голову, с какой стороны за него браться.

Фролов считал себя достаточно приличным игроком, но упоминание о том, что лишь единицы сумели пройти четвертый уровень, а пятый вообще стал глобальным камнем преткновения, вынудило его осторожничать, ограничившись лишь вторым уровнем. Валерий ждал от игры чего-то за пределами сложного и необычного, однако к своему изумлению ему предложили обычные гонки. Слегка измененные по сравнению с привычными, но по сути хорошо знакомые. Возможно, дальше, на следующих уровнях, игра резко усложнялась, но сейчас он финишировал с некоторым отрывом и не потратив ни одной лишней жизни.

Мужчина панибратски хлопнул Валерия по плечу:

– Ну, ты конкретно Шумахер. И жизни все сохранил.

– А разве в этом есть какой-то сакраментальный смысл?

– Еще бы! Если осталась единственная жизнь, выбираешь всего одно оружие. А если сохранил все, тебе выдадут сразу три разных ствола. Или что-то из первого уровня, по твоему желанию. Да ты посмотри!

Валерий перевел взгляд на экран. Там возникли изображения нескольких десятков пистолетов. Фролов застыл в нерешительности. В огнестрельном оружии он разбирался чуть лучше, чем свинья в апельсинах.

– «Глок» бери. Восемнадцатый. Отличная вещь и двадцать патронов в обойме.

Валерий не стал возражать. По подсказке он выбрал и охотничье ружье «ремингтон». Проигнорировав арбалеты, Фролов скользнул взглядом по изображениям холодного оружия. Вот где пригодились его обширные знания. В топку рыцарские мечи, копыя и сабли. Если он верно оценил ситуацию, то ему идеально подходит катана. Легкий самурайский меч обеспечивал свободу маневра и при этом позволял нанести сокрушающий удар.

Едва Валерий определился с выбором, перед ним вырос постамент, на котором лежало его оружие.

– На выход за границы Херсона выдается одна обойма к пистолету и пачка патронов для ружья. Если все их расстреляешь, запасы пополнятся только на следующий день. Ну и каждую неделю в качестве бонуса прилетают дополнительные обойма и пачка, – пояснил мужчина.

– А если не умеешь стрелять и надо потренироваться? Одна обойма – это курам на смех, – встревожился Фролов, успевший забыть, как обращаться с огнестрельным оружием.

– Расслабься. Тренировки – отдельная песня. На стрельбище патронов хоть одним местом ешь, но если попытаешься заныкать хоть один, я тебе не завидую.

– А что тогда будет? – взялся любопытствовать Фролов.

– Плохо тебе будет. Очень плохо. Так что даже не пытайся, – мужчина решил обойтись без конкретики. – Все, довольно разговоров. В курс дела тебя ввели, оружие ты получил, осталось познакомиться с мэром города.

– О как! – удивился Валерий. – И за какие заслуги мне такая честь?

– Да, это честь! – напыщенно заявил мужчина, – но одновременно и обязательная процедура. Мэр должен лично переговорить с каждым новичком, составить первое впечатление, на что он способен.

За время этого короткого разговора они успели подойти к единственному в Херсоне каменному зданию в два этажа. Вокруг него и в самом доме шаталось около десятка человек, вооруженных автоматами. К удивлению Фролова среди них была одна женщина. Кабинет мэра располагался на втором этаже. Обстановка его была, мягко говоря, спартанской. В России такой устыдился бы глава самого захудалого городишки. Зато сам мэр чисто внешне идеально вписывался в этот затрапезный интерьер. Было в его внешности что-то неуловимое, вызывающее желание дать ему по морде. С точки зрения Валерия это был замечательный кинематографический типаж наперсточника, шулера или председателя колхоза. Особенно замечательными были глаза: неопределенного цвета, воровато бегающие, словно их обладатель что-то украл или собирался украсть. Все же это была какая-никакая власть, и Фролов первым выдавил из себя отрывистое «здрасьте».

– Ну здравствуй, новичок! – мэр изобразил на своем лице подобие улыбки.

Теперь он стал похож на цыгана, оценивающего краденую лошадь. Правда, лошади не умеют разговаривать, а Фролову пришлось ответить на несколько вопросов.

– Какой-нибудь уровень сумел пройти? – в первую очередь спросил мэр.

– Да, второй.

– Неплохая замена. Твой предшественник остановился на первом. А чем занимался на Земле?

– В офисе работал.

Тут мэр не выдержал и бросил в сердцах:

– Развелось офисных работников, как дерьма на свиноферме. А если попадают военные или полицейские, то почти все получают в плечи нулевой уровень.

Сделав вид, будто не заметил брошенные в свой адрес обидные слова, Валерий спросил:

– Я что-то не понял насчет своего предшественника. Как это определяется?

– А очень просто. В каждом городе, а их в нашей части Пантеона ровно тридцать, живет тысяча человек. Ни больше, и ни меньше. Если кто-то из них гибнет или попадает на Райский остров, ему на замену в тот же день приходит новичок.

Фролов хотел задать еще несколько вопросов, но мэр решительно пресек эту попытку:

– Иди, тебе покажут твоё жильё и помогут с обустройством.

Тот же мужчина, встречавший Валерия у ворот города, привел его в один из стандартных одноэтажных домишек:

– Располагайся, будь, как дома, – сказал он, заходя в одну из двух жилых комнат. – Все, что здесь видишь, твоё. Дальше сам разберешься. У нас вчера шушера и мешочник двух человек грохнули, так что должен еще один гость появиться. А я сегодня на воротах, если пропущу новичка, у меня будут серьезные проблемы.

Мужчина рысью выскочил из дома, а Фролов занялся ревизией свежеприобретенного имущества. На большой кровати лежали спальные принадлежности и уже знакомый Валерию комплект одежды, названный им «пижамой». Еще в комнате были три стула, тумбочка и стол. К стене была прибита вешалка, заменяющая шкаф для одежды. Под вешалкой стояла обувь на все случаи жизни: босоножки, кроссовки, ботинки, резиновые сапоги. Фролов распахнул тумбочку. Там лежали мыло, полотенце, зубная щетка, безопасная бритва с упаковкой лезвий и два тюбика. На одном была нарисована зубная щетка, а на втором шапка пены. В выдвижном ящике тумбочки обнаружилась электробритва, но почему-то без провода.

– Как же ей пользоваться, когда сядет аккумулятор? – удивился Валерий. – И есть ли он в ней?

Завершив изучение личного пространства, молодой человек вышел в коридор. Дверь напротив была приоткрыта. Фролов на всякий случай постучал, а потом осторожно заглянул. Ага, такая же комната, как и у него. Только царил в ней настоящий бардак, вызвавший у Фролова удивление: как можно добиться такого феноменального результата при столь скудном наборе личного имущества?

В коридоре было еще три двери. Одна вела на улицу, две, расположенные рядом посередине между комнатами – в ванную и туалет. Валерий на всякий случай осмотрелся внимательнее, но факт оставался фактом: кухня в этом доме отсутствовала. Надо полагать, в городе налажено централизованное питание, а ему об этом ни слова, ни звука. Вот и ходи голодный неизвестно сколько времени.

Фролов выбрался на улицу. Справа за рядами домов находилось свободное пространство. Но с ним он еще разберется. Сейчас куда интереснее то, что слева. Валерий пробрался между домами. Предчувствия его не обманули. Он увидел четыре приземистых здания, располагавшиеся у самого забора. Стоило подойти к ним вплотную, и запах убедительно доказал Фролову, что он выбрал правильное направление. Валерий зашел в ближайшее здание. Взору его предстали пустые столы, которые небрежно протирали несколько женщин. Одна из них соизволила обратить на него внимание:

– Ну и что ты тут забыл? До ужина еще три часа. Хотя постой, что-то мне твое лицо незнакомо? И приперся в неуточное время. Свежак, что ли?

– Ну да, только сегодня вляпался в это безобразиие.

– И успел оголодать? Молодец, завидую. Большинство людей, когда узнают, куда их занесла нелегкая, надолго аппетита лишаются. Но извини, ничем не могу помочь. У нас порядки строгие, еда четко по расписанию.

– А если... – начал было Валерий.

– Никаких «если»! Нету у меня желания из-за голодных свежачков в полях корячиться да жизнью рисковать, – отрубилa женщина.

Побрел Фролов, несолоно хлебавши, обратно. Только зашел в дом, как распахнулась комната соседа, и оттуда выглянул парень неопределенного из-за пышной бороды возраста.

– Здорово, новичок! Будем теперь вместе кантоваться. Меня Семеном зовут.

– Валерий, – представился Фролов.

– Ты как, в полном ауте или маленько очухался? – довольно бесцеремонно поинтересовался сосед.

– Пока ничего. Но я же еще не выходил из города.

– Это ты грамотно заметил. По закону тебе положено три дня на адаптацию. Осмотреться, научиться владеть оружием. У тебя какой уровень?

– Второй.

– Нормально. А стрелять умеешь?

– Так себе. Уже забыл, когда огнестрел в руках держал.

– Это плохо. Здесь твоя жизнь в первую очередь зависит от умения стрелять. Во вторую от удачи, а в третью от владения холодным оружием. Кстати, ты сколько жизней в игре потерял?

– Ни одной.

– Молодец! А тебя встречающий предупредил, что в таком случае не стоит брать два ружья или пистолета, а надо взять меч или копье?

– Предупредил.

– Вот и хорошо. А то есть здесь твари, которым наша стрельба глубоко фиолетова, зато их можно порубить на мелкие кусочки. Ты чем разжился, мечом или копьем?

– Катаной.

– Ключнул на восточную экзотику. А зря. Нет, я не спорю, катана – вещь отличная, но овладеть той же саблей проще.

– Я серьезно занимался реконструкторством.

– В смысле игрался в средневековую войнушку?

– Не только игрался, но и вдумчиво изучал оружие, в том числе самурайское.

– Да, парень, могу тебе только посочувствовать.

– Это почему?

– Угоди ты сюда на четыре месяца раньше, стал бы инструктором по фехтованию. Лафа конкретная, учишь народ махать холодняком, постоянно обретаешься в городе и при этом на общих правах участвуешь в лотерее.

– Какой лотерее?

– А тебе Петруха не рассказал?

– Это который у ворот стоял? – догадался Фролов.

– Он самый. Так вот, есть на Пантеоне Райский остров. Это такое место, где нет оживших кошмаров, и тебя сплошь окружает красивая жизнь.

– И как туда попасть?

– Есть два варианта. Первый – рискнуть самому, но это чистое самоубийство. До острова несколько десятков километров, а по морю шастают спруты-людоеды и гигантские акулы, которые на Земле давно вымерли, а у нас из-за какого-то урода, насмотревшегося акульих ужастиков, очень даже неплохо себя чувствуют. Погоди, щас вспомню, как они называются.

– Мегалодоны.

– Верно. Ну, ты энциклопедист! Здесь, на Пантеоне, нет подходящего материала и инструментов, чтобы построить нормальный корабль. А лодку мегалодон расколошматит вдребезги одним ударом, если раньше тебя из нее спрут не выудит. Правда, есть тут у нас один мечтатель, он дельтаплан строит, хочет на нем через море перелететь. Но, зуб даю, пойдет он на корм морским гадам. Поэтому остается один реальный путь, надо собрать пуд корня Химеры. Дело это муторное. Сам корешок с указательный палец, а Химера хотя и растет сообществами типа земляничника или черничника, но встречается далеко не на каждом шагу. Месяц, а то и полтора уходит, пока всем городом пуд набираем. Тогда кладем корень на устройство, которое под настрование и если грамотно попросить, выдает нам разные ценные вещи. Ровно пуд исчезает, излишки отбрасываются в сторону, и появляется номер счастливирика, который отправляется на Райский остров. А дальше... Но это надо видеть а не рассказывать, целое представление.

– С отправкой на Райский остров.

– Да.

– И людей реально отправляют?

– А зачем бы мы тогда напрягались, собирали корень? Каждый надеется получить путевку в новую жизнь, только мало кому удается. Да ты сам посчитай, за год человек десять вытягивают счастливый билет, всего один процент. Но это теоретически, а с учетом того, сколько народа гибнет, выходит и того меньше.

– Ну ладно, это удаленная перспектива. А что меня ждет в ближайшее время?

– У тебя второй уровень, поэтому собирательство тебе не грозит. Начнешь с охоты, это самое простое. Дальше тебя поставят охранять народ, сначала тот, что собирает корень, потом тех, кто обеспечивает нас дарами леса, фруктами, ягодами сердцевинной хлебного дерева. А самое ответственное – это разведка новых плантаций Химеры, но если ты до этого и дойдешь, то нескоро. Жаль, маловато людей первого уровня, одного инструктора на них кое-как хватает. Хотя я на твоём месте попробовал бы подкатиться к Бате, вдруг он расщедрится.

– А кто такой Батя?

Лицо Семена тут же превратилось в верноподданнейший лик, и он с благоговейным придыханием сообщил:

– Батя – наш мэр, лучший из мэров этой проклятой планеты! Только благодаря ему вы выживаем среди смертоносных монстров и в окружении коварных врагов, норвящих на нашем горбу въехать в рай.

У Валерия сложилось несколько иное, мягко говоря, впечатление о херсонском градоначальнике, но он не стал затевать дискуссию, тем более, что в речи Семена был один странный момент, требующий пояснения.

– Слушай, а почему в городе мало людей первого уровня? Мне казалось, что должно быть наоборот, он же самый элементарный.

– Ну, во-первых, кому хочется махать железяками, когда есть возможность обзавестись нормальным оружием? А большинство из попавших сюда на Земле рубились во всякие стрелялки и догонялки, вот и замахиваются на серьезную игру. Во-вторых, бабам вообще нет прока от первого уровня. Сила у них не та, удар слабенький, мало кто из них способен хотя бы слегка покоцать любого из монстров. Поэтому им ненавязчиво рекомендуют идти на второй уровень, а если попадается реальная геймерша, то и на третий.

– Понятно. А почему в нашем доме нет кухни? Я бы с удовольствием чего-нибудь перекусил, успел за сегодня проголодаться.

– Вопрос не по адресу. Спроси об этом у создателей Пантеона, если доведется с ними встретиться, – усмехнулся Семен. – Но у меня для тебя есть и хорошая новость, можно идти ужинать. Наслаждайся, Валера, последним свободным вечером, с утра тобой займутся повзрослому. Людей постоянно не хватает, слишком много нас здесь гибнет. Механизм вроде бы отлаженный, однако приходится постоянно затыкать бреши, вставлять новые винтики вместо утраченных.

Валерия захмутили сразу после завтрака. К нему подошел мужчина средних лет, назвавшийся Георгием, без лишних слов поставивший задачу:

– Сходи домой, возьми оружие и двигай на полигон, за левые дома. Там все увидишь, в этом городе надо очень сильно постараться, чтобы заблудиться.

На пустыре, громко названном полигоном, собралось человек десять. Судя по малочисленности, новичков тут обучали по ускоренной программе. А и в самом деле, чего напрягаться, если на смену выбывшему быстро рисуется новый страдалец. Человека же бывалого, стрелянного лишь приспособляли к местным условиям, действуя по принципу «ученого учить – только портить».

В этом Фролов убедился на собственном опыте. Преподавателю фехтования хватило нескольких минут, чтобы отбросить в сторону кол, выполнявший роль учебного копья. Затем он жестом фокусника извлек то ли книжицу, то ли тетрадь, судя по потрепанности, выполнявшую роль главного, если не единственного, учебного пособия, и открыл ее. Валерий увидел рисунок существа, отдаленно напоминающего сказочную бабу Ягу.

В книжице было еще много рисунков. Некоторые инструктор пролистывал, по ходу говоря «против этого холодняк не катит». На остальных задерживался, подробно объясняя, как лучше управиться с тем или иным монстром, какие у него самые уязвимые для катаны места. Увы, теоретическим курсом все и ограничилось. Никто не удосужился сделать чучела, на которых можно было бы отточить самые смертоносные удары. В очередной раз торжествовал принцип «спасение утопающих – дело рук самих утопающих». Если новичок на свое счастье окажется умелым воином, то будет жить и, возможно, попадет на Райский остров. А если нет, то у инструктора очень быстро появится еще один ученик.

С пистолетом и ружьем у Фролова ожидаемо возникли проблемы. Хорошо у него получалось только зарядить и нажать на курок. Все остальное было плохо. Валерий поинтересовался, сколько у него дней, чтобы хоть как-то подтянуть стрельбу.

– Три, – лаконично ответил второй инструктор. – Зато стрелять можешь хоть до посинения. Патронов здесь хватит на целую армию.

– А если заныкать с собой хотя бы десяточек?

– Лучше не пытайся. Пантеон за это очень строго наказывает.

– Испепелит меня на месте? Или отдаст на съедение кошмарам?

– Хуже.

– А что может быть хуже?

– Тебе еще не рассказали? Человек, унесший отсюда патроны, превращается в одного из кошмаров. Лично я меньше всего хотел бы для себя такой участи.

– Да уж, – бормотнул Фролов. – Теперь, уходя отсюда, я буду тщательно проверять свои карманы, не завалился ли в них случайно патрон.

– Вот-вот, – подхватил инструктор. – Дураков превращаться в тварь нет.

Фролов больше не стал тратить время на разговоры. В запасе у него всего три дня, за этот короткий срок он, конечно же, в снайпера не превратится, но с двадцати метров попадать из ружья точно в цель научится. Хотя здесь имелась существенная деталь. Да, в спокойной обстановке он будет стабильно рвать мишень в ключья. Но совсем другое дело, когда на него бросится жаждущая сожрать человека тварь. Для того, чтобы хладнокровно действовать в экстремальной ситуации, необходима специальная подготовка и месяцы, если не годы тренировок, позволяющие довести каждое действие до автоматизма. Увы, Валерий не мог позволить себе такой роскоши. В его силах лишь немного повысить свои шансы на выживание.

Три дня пролетели, как одно мгновение. Если бы там, на Земле, кто-то заставил Фролова с утра до вечера расстреливать мишени, он бы взвыл от тоски, а время тянулось бы с медлительностью беременной черепахи. Тут же Валерий прекрасно осознавал, что он находится в тепличных условиях укрепленного города, и главные трудности ждут его впереди.

Как и предсказал Семен, Фролова определили в команду охотников. Собралось их без малого двадцать человек, и когда Валерий знакомился со своими новыми партнерами, случился эпизод, раскрывший ему еще одну сторону Пантеона.

– Доминик Леклер, – представился худощавый рослый брюнет.

– Надо же! Вроде, француз, а по-русски шпаришь без всякого акцента, – удивился Фролов.

Леклер улыбнулся наивности новичка и охотно пояснил:

– Тебе только кажется, что я говорю по-русски. На самом деле я не знаю ни одного вашего слова. Но такова очередная хитрость Пантеона, я говорю на своем языке, а ты слышишь русскую речь.

Фролов уже перестал удивляться чудесам этого мира, хотя и отдал должное тому, насколько изящно на Пантеоне решена проблема языкового барьера.

К Валерию подошел руководитель их команды, внешне напоминавший алкаша, отсидевшего год в ЛТП. При этом когда-то мужчина жил в деревне, в свободное время потихоньку браконьерствовал, соответственно, хорошо знал повадки зверей и поэтому был назначен на такую серьезную должность.

– Новичок, мне сказали, что ты хорошо владеешь холодным оружием, а из винтовки впервые выстрелил только здесь?

– Так и есть, – подтвердил Фролов.

– Тогда ступай вон к тем гаврикам, будешь у нас в охране. За ствол не хватайся, а то еще с перепугу своих перестреляешь. При необходимости пустишь в ход свою железяку, ежели наострился ей махать. Все понятно?

– А... – открыл было рот Фролов.

– Если ты об охоте, то здесь как карта ляжет. Наша главная задача – обеспечить город мясом, чтобы одной фейхуятиной не питаться. Если настреляем нормально дичи, и еще время останется, дадим тебе возможность себя проявить.

До выхода из города Фролов думал, что главное в охоте – умение выследить, незаметно подкрасться и метко сразить добычу. Но оказалось, что главное – это быстро ходить. Со временем охотничьи угодья все дальше и дальше отодвигались от города. Сейчас охотники отмахали километров десять, прежде чем на горизонте показалось пасущееся стадо. Тут же группа разделилась на две части. Большинство залегло и стало ползком двигаться в сторону травоядных.

Валерия ухватили за рукав и сердито прошипели в ухо:

– Куда! Стоять! Мы должны оставаться здесь и бдеть по сторонам. Если ты увидишь что-то подозрительное, в тот же момент сигнализируй ближайшему к тебе человеку. А он разберется, стрелять нам, сматываться или контролировать местность дальше.

С первого раза продемонстрировать похвальную бдительность у Фролова не получилось. Так уж человек устроен, можно сколько угодно рассказывать ему о местных ужасах, даже многократно сгущая краски, но пока он не убедится в справедливости услышанного на собственном горьком опыте, службу он будет нести спустя рукава. К тому же Фролова очень интересовало, что за копытные бродят там, впереди, метрах в четырехстах от него. По виду они скорее напоминали африканских антилоп, но могли оказаться куланами или сайгаками. Не разобрать, далековато. Эх, тяжело в саванне без бинокля!

Вдруг стадо замерло, антилопы, как по команде, вскинули головы и, кажется, повернули их в сторону подбирающихся охотников. Тут же грянули выстрелы. Антилопы рванули прочь с быстротой, навевающей мысль о реактивном движении.

– Вперед! – скомандовал начальник охранной команды и тут же принялся на ходу учить уму-разуму Фролова. – Новичок, ты куда рванул, заслепив глаза? А кто за тебя будет контролировать ситуацию? Сейчас самый рискованный момент, твари всегда реагируют на выстрелы, если кто-то из них расслышал пальбу, жди гостей.

Валерий сбавил темп, держась в общей группе, на бегу старательно вращая головой. Получалось так себе, от слишком частых поворотов голова начинала кружиться, приходилось некоторое время бежать, смотря только вперед.

– Во всем нужна тренировка, – мелькнула банальная мысль.

Убитое животное действительно напоминало какую-то из африканских антилоп. Стройное тело на длинных ногах, вытянутая морда, увенчанная полуметровыми изогнутыми рогами. Руководитель команды тем временем прочесал местность и твердо заявил:

– Есть подранок или даже два. Надо идти за ними. В этом трофее килограммов сто, если остальные команды охотников вернуться без добычи, завтра весь город сядет на урезанный паек.

– Наверняка бывают удачные охоты. Неужели так сложно запастись мясом на черный день? – непонятно у кого тихо спросил Валерий.

– Не сложно, а очень сложно, – отреагировал Леклер. – Транслятор выдает ограниченные запасы соли, ее едва хватает на сутки. Мы пытались отыскать солончаки, но наша затея бесславно провалилась.

– Понятно. А что за транслятор?

– Специальное устройство, поставленное создателями Пантеона.

– Которое выдает разные вещи. Так сказать, по просьбам трудящихся, – продолжил мысль Фролов.

– Только список этих вещей очень ограничен и просчитан так, что они делают нашу жизнь чуточку легче, но ни капли не безопаснее.

Последние слова Доминик произносил уже на ходу. Команда слаженно перестроилась в каре, по углам которого двигались самые зоркие наблюдатели.

– Почему мы добычу бросили? Вдруг ее кто-нибудь сожрет? – продолжил любопытствовать Валерий.

– Некому. Все здешние хищники питаются исключительно нами, людьми. Разве что на антилопу наткнутся жители другого города, но это маловероятно. Чужие здесь не ходят.

– Тс-с-с, – донеслось до краев из центра, где находился бывший браконьер.

Охотники замерли. Фролов поднял голову. Впереди, по брюхо в траве, стоял подранок. Антилопа заметила людей, но у нее не было сил умчаться прочь, а предательский инстинкт нашептывал, что на таком удалении охотник не опасен.

Грянул выстрел. Рухнувшее тело скрылось в траве.

– Шевелитесь же! Быстрее! – прошипел сквозь зубы руководитель команды, хотя и без его напоминаний люди со всех ног устремились к добыче. Один из них нес в руках прочную двухметровую жердь. Впрочем, он не сильно торопился. Требовалось время, чтобы связать попарно задние и передние ноги антилопы, без этого тяжелую тушу не унесешь.

Через минуту двое самых крепких мужчин, вскинув жердь на плечи, торопливо удалялись от места стрельбы.

– Нам еще вторую забирать. А потом тащиться десять километров с двумя центнерами мяса, – с ужасом подумал Валерий.

Хотя ужасаться надо было совсем по другому поводу.

Если верить старожилам, Фролова спасло чудо. Ведь по их словам кошмары загадочным образом выделяют новичков из общей массы и в первую очередь охотятся именно на них. Будто бы мясо свежепереселенцев слаще.

Но вот как? Нет, ну как тварь, величиной превосходящая любого земного тигра, сумела так замаскироваться в траве, что ее не заметили даже опытные охотники?

Вся компания обступила труп первой добытой антилопы, на секунду утратив бдительность. И тут на Валерия нахлынуло ощущение смертельной опасности. Он вскинул голову и завопил от ужаса. Фролов увидел, как из травы словно вырастает огромное тело, которое тут же вытягивается в молниеносном прыжке. Роскошная грива делала зверя похожим на льва, но из его распахнутой пасти торчали здоровенные клыки, смахивающие на два изогнутых кинжала. Хищник пролетел в считанных сантиметрах от Валерия, обдав его тугой струей воздуха. Рядом кто-то отчаянно заорал. Фролов отскочил в сторону, уронив винтовку и выхватывая из-за спины катану. Многолетний опыт оказался сильнее трехдневных упражнений.

Раньше Валерий думал, что мгновения, растянувшиеся на минуты, всего лишь художественный прием. Но оказалось, что так оно и есть на самом деле. Экстремальная ситуация будто замедлила происходящее, Фролов до мельчайших подробностей рассмотрел, как порожденный чьим-то воображением хищник легко, будто воткнутый в землю прутик, сбивает человека на землю, одним мощным движением пронзает ему шею смертоносными клыками, хватая тело за бок разверзшейся пастью и резкими прыжками уносится прочь. Казалось, что прошло не меньше минуты, а на самом деле Фролов успел только выхватить свой меч.

– Не стрелять! – раздался вопль бывшего браконьера.

А никто и не собирался. Тот, кто успел, вскинул оружие только для самообороны. Люди бывалые, они понимали, что уложить такую громадину можно только очень метким выстрелом, зато разъярить проще простого. И тогда уже одной жертвой не отделаешься, можно элементарно потерять большую часть людей.

А дальше... То, что произошло дальше, в голове человека, еще живущего земными реалиями, просто не укладывалось.

– Кого он утащил? – спокойно, будто всего лишь для бухгалтерской отчетности, спросил бывший браконьер. – Руслана? Жаль, нормальный был парень.

На этом церемония прощания с погибшим завершилась. Четверо крепышей взвалили на плечи жерди с добычей, остальные шли по бокам, сканируя окрестности. Люди то и дело перекидывались короткими фразами, несколько раз даже раздавался смех. А почему нет? Команда выполнила свою работу, есть повод для веселья. А то, что погиб человек, так это дело привычное, на то он и Пантеон, чтобы люди ежедневно приносили ему жертвы.

А вскоре и Фролов выбросил из головы скорбные мысли. И если кто-то утверждает, будто моральные страдания тяжелее физических, пусть вскинет на загривок пол центнера мяса и пронесет его хотя бы километр. Валерию такое удовольствие не замедлили доставить, едва выдохлись крепыши.

– Давай, новичок, все равно от твоих наблюдений пока еще мало толку, – указали Фролову на освободившийся конец жерди.

Валерий и потащил, испытывая одновременно два разнополярных чувства. С одной стороны, проклятая жердь с каждой минутой все больше давила на плечи. А, с другой, он находился в середине отряда, и если нападёт очередная тварь, то до Фролова сотоварищи она доберётся в последнюю очередь. Конечно, если бойцы внешнего кольца не разбегутся в панике. Но об этом не хотелось даже думать.

В город пришли ближе к вечеру. С непривычки Валерий едва держался на ногах от усталости, но все же обратил внимание на мужичка росточком «метр с кепкой», суетившегося у транслятора. Мужичок ощупывал руками ткань, лежащую на ровной поверхности устройства. Затем он изобразил лицом скорбную мину и застыл над транслятором. Ткань исчезла, на её месте появился материал, напоминающий полиэтилен. Скорбная мина сменилась выражением, которое бывает у человека, страдающего недельным запором и принявшего слабительное в надежде очистить забастовавший кишечник. Мужичок ухватил руками материал и дернул. Тот выдержал его тщедушный напор. Мужичок расплылся в улыбке, свернул полиэтилен и сунул его под мышку. Шедший рядом с Валерием Леклер насмешливо бросил:

– Ну все, со дня на день Ленья улетит в дальние страны.

– Как улетит? – не понял Фролов.

– На дельтаплане. Ленья у нас дельтапланерист, с того дня, как узнал о Райском острове, все свободное время конструирует свою штуковину. Нужных материалов для рамы транслятор ему не дал, так Ленья два месяца сначала, рискуя жизнью, шастал по лесам с топором, а затем что-то тесал и строгал. А вот на подходящую для полета ткань транслятор расщедрился и, подозреваю, что это не к добру. Скорее всего полет Лени закончится гораздо раньше, чем он планирует. Ведь было несколько попыток самостоятельно добраться до Райского острова, и все они закончились плачевно. Я сам Лене пару раз об этом говорил, но он вбил в голову свою идею и никого слушать не хочет.

– Ты мне лучше расскажи подробнее о трансляторе, – попросил Фролов.

– Подробно не выйдет, надо разбегаться по домам, помыться и отправляться ужинать. Но если коротко и основное, то усвой главные моменты. Даже не надейся, что транслятор расщедрит на оружие или супертехнологичную вещь. Он даже железные изделия выдает очень редко и по большим праздникам. На готовые вещи, даже самые примитивные, тоже не очень рассчитывай. Обычно транслятор снабжает человека заготовками или деталями, из которых можно сделать какой-то предмет. Таким образом, кроме прочего, поощряется торговля на крайне примитивном уровне. Допустим, в одном городе есть умелец, классно выделывающий кожу из добытых антилоп, а во втором мастер по резьбе. Вот города и обмениваются этими товарами.

– А как транслятор узнает, что именно нужно человеку?

– Запросто. То есть для жителя Земли это запредельная сложность, но прибор все делает с поразительной легкостью. Тебе надо только подойти к нему и представить, что именно ты хочешь. Но особенно губу не раскатывай, существует еще одно ограничение, транслятором нельзя пользоваться чаще двух раз в месяц. При первом нарушении просьбу человека банально игнорируют, а при втором наказывают, причем в духе Пантеона.

– Превращают в кошмара? – спросил Фролов, уже слышавший о такой практике.

– Нет, до такого садизма дело не доходит. Но могут забросить человека на крышу мэрии или в женский дом, причем голым. Бабонек такой поворот дела почему-то сильно возмущает,

могут даже кое-что оторвать сгоряча... Ну все, пора разбежаться, а то на ужин опоздаем. Потом, если у тебя будет такое желание, я в свободный день устрою тебе экскурсию по городу.

Придя в свой новый дом, Фролов первым делом отправился в ванную. День выдался теплым, почти жарким, и он, пока тащил тяжеленную дичь, пропотел аж до трусов. Но еще хорошо, что только этим дело и ограничилось. После атаки саблезубой твари некоторые соратники Валерия то ли подшучивая, то ли на самом деле удивлялись, как это он удержался от того, чтобы прямо на месте не сходить по малой, а то и большой нужде. Кое-кто даже сгоряча окрестил Фролова человеком с железными нервами. Хотя объяснение мнимому героизму было простое, все произошло так быстро, что Валерий не успел толком испугаться.

Сбросив одежду, Фролов забрался в ванну. В ней, как и над умывальником, имелся один кран – с холодной водой. Наверняка творцам Пантеона не составило бы труда провести и горячую, но они решили не баловать своих подопытных. Вода подавалась из расположенного рядом с Херсоном маленького озера, она не успевала охладиться, идя по трубам, и была комнатной температуры. Фролов смыл пот и, вытершись, пошлепал в свою комнату. У него не осталось выхода кроме как надеть единую для города униформу. До этого он не понимал, отчего никто в Херсоне не носит собственную одежду. Теперь ему все стало ясно. Форма идеально сидела на теле и дарила ощущение удивительного комфорта. Естественно, ни у кого не возникало желания сменить ее на грубые земные шмотки. Кроме того, у формы имелось еще одно неоспоримое достоинство. Стоило бросить отслуживший свое комплект в бак, стоящий в ванной, и тут же появлялась новая форма.

На кровати Фролов заметил нечто, напоминающее глянецвый журнал. Еще утром его здесь не было. На обложке ослепительно красивая парочка, демонстрируя в широкой улыбке безукоризненные зубы, держала в руках плакат с надписью «Райский остров».

– Ну-ка, ну-ка, – пробормотал Валерий, беря журнал в руки и собираясь полистать его страницы.

Страниц, однако, не было. Едва Фролов взял то, что он назвал журналом, картинка на обложке сменилась. Появился общий план острова, демонстрируя, что его не случайно прозвали райским. Идеально круглый, он был опоясан лентой разноцветных пляжей. В основном с белым песком, но был песок желтый, красный и даже черный. Какой кому больше понравится.

В мнимом хаосе ландшафтов Райского острова угадывался четкий план. Картинки, выхватывая отдельные пейзажи, демонстрировали то леса, то поля, то уютные домики. Леса по большей части состояли из фруктовых деревьев, на которых виднелись зрелые плоды, в основном незнакомые Фролову, но почему-то при одном взгляде на них рот обильно заполнялся слюной. Между деревьев вились дорожки, а кроме скамеек там и сям были разбросаны шалаши, на которых висела одна и та же картинка, недвусмысленно говорившая об их предназначении.

– Ну да, у парочки, гуляющей среди такой красоты, запросто возникнет мысль о сексе, – подумал Валерий.

Большую часть полей занимали различные спортивные площадки. В основном они были сосредоточены рядом с настоящим городом-курортом, застроенном домами в несколько этажей. На обложке появилось изображение одного из номеров: большая кровать, несколько экранов, один из них на половину стены, а в ванной, что характерно, два крана. Во всю длину номера тянулся широкий балкон, в обоих углах которого стояли два загадочных устройства. Впрочем, загадка тут же разрешилась. Одно из устройств плавно взмыло в воздух, сделало мертвую петлю и вернулось на место. Надо же! А то у Валерия уже возник вопрос:

– Неужели обитатели острова вынуждены на своих двоих преодолевать немаленькие расстояния?

Нет, не вынуждены, создатели Пантеона озаботились средствами быстрого и комфортного индивидуального передвижения.

Снова возникла панорама острова, делая акцент на множестве отдельно стоящих одноэтажных домиках. Понятно, если кто-то хочет уединиться, то здесь есть и такая возможность.

А это что? Добрая четверть острова отделена высокой стеной из непонятого материала. А вот и ворота, а на них очередная табличка – рисунок хищного зверя со злобно оскаленной пастью. Выходят, о любителях острых ощущений тоже позаботились. Интересно, оружие выдается на входе или вручается каждому желающему по прибытии на остров?

Фролов увидел еще много интересного, но больше всего ему запомнилась концовка, сделанная в духе Пантеона. Сначала на обложке появилась надпись:

– Хотите сами добраться на Райский остров?

Затем пошли живые картинки. Стремительно рассекающая воду акула размером с автобус. Спрут, по величине способный поспорить с акулой. Человек, гребущий в лодке и легко выдернутый из нее громадным щупальцем. Другая лодка, разлетающаяся в щепки после удара акулиным рылом, а затем всего одно ехидное словечко:

– Попробуйте!

– Спасибо, не надо, – непроизвольно вырвалось у Фролова.

Следующий день выдался свободным. Все охотничьи команды вернулись с добычей, а соль Пантеон выдавал в ограниченном количестве, ее едва хватало для готовки пищи. Все попытки найти соль закончились ничем и, что еще прискорбнее, вяленое или копченое мясо в местных условиях почему-то уже на второй день начинало сильно пованивать. То есть запастись ценным продуктом впрок оказалось невыполнимой задачей, поэтому не было смысла выходить на охоту, когда в городе полно еды.

Леклер сдержал обещание, после завтрака он устроил Валерию экскурсию, предварительно заметив:

– Смотри внимательно и думай. Вдруг у тебя тоже есть какие-то полезные умения? Ценные работники сидят в городе, не рискуя ежедневно своими шкурами.

Фролов лишь пожал плечами. В жизни у него были одна работа и одно увлечение. Увы, на Пантеоне никому не нужны знания клерка, да и реконструкторские умения востребованы только за городской стеной, а не внутри ее.

– Вот, – Леклер остановился у обнесенного забором дома. – На Земле в средние века были кварталы разных ремесленников, кузнецов, плотников, оружейников, а здесь двory. Перед тобой двор гончаров.

– Они делают посуду? – на всякий случай уточнил Фролов.

– Да.

– Странно. Почему же тогда в нашей столовой и тарелки, и стаканы исключительно из убогого пластика?

– Размечтался. Глиняная посуда уходит начальству Херсона и на обмен. Если ты заметил, Пантеон обеспечивает нас по минимуму, а человек даже в таких жутких условиях остается человеком. Ему хочется, чтобы вещь не только надежно служила, но и радовала глаз. Возьмем те же тарелки и стаканы. У них лишь одно достоинство, их очень трудно разбить. Но выглядят они так, что поначалу их противно брать в руки. А видел бы ты посуду нашего мэра. Из нее приятно хлебать даже голимую бурду. Впрочем, Оглоблю снабжают только самым лучшим.

– Кого снабжают? – не понял Фролов.

– Нашего мэра. У него фамилия Оглоблин, вот народ и прозвал его Оглоблей.

Валерий вспомнил Степана с его верноподданническим «батя», и подумал, что Доминик прав, человек везде остается человеком. И не только в смысле эстетического восприятия действительности. Похоже, даже чудовищные условия жизни на Пантеоне не остановили вечных разборок, стремления разделить на своих и врагов, попыток за чужой счет устроиться с максимально доступным комфортом. Кто знает, возможно, здесь есть люди, которые страшнее любого кошмара? Очень не хотелось бы с такими столкнуться. Все же Фролов был человеком

своего времени, отвыкшим от прямого насилия. Да, в различных завуалированных формах его имели по полной и власть, и сомнительные людишки с их непонятно откуда взявшимися капиталами, на одного из которых Валерий работал. Но его не били, не надевали на шею рабское ярмо, эксплуатируя в устоявшихся цивилизованных формах.

Пантеон вынуждал человека вернуться к образу жизни далеких предков, заставлял в открытой схватке отчаянно драться за собственную жизнь. И кто не смог принять новые условия игры, погибал в первые дни или недели. Валерий успел перестроиться, он был готов сражаться с бродящими по Пантеону чудовищами. Но то чудовища, а сможет ли он выстрелить в другого человека, если возникнет такая необходимость? Ответа на этот вопрос у Фролова пока не было.

– А вот двор корзинщиков, – прервал его размышления Леклер.

– Что-то многовато здесь народа. Зачем городу столько корзин? Тоже на продажу?

– Нет, опять виноваты шуточки Пантеона. В любой другой таре дары леса моментально портятся, а в руках много не унесешь. Вот и приходится заниматься плетением корзин. Еще хорошо, что за лозой для них не надо бродить по лесам, нужное количество по заказу выдает транслятор или, как его называют в народе, раздаточный стол. Кстати, говорят, что когда европейцы или североамериканцы впервые видят эти корзины, они принимают их за декоративный элемент интерьера.

– Похоже, чем менее цивилизован человек, тем больше у него шансов выжить.

– Только до определенной степени. Лично я слабо представляю дикаря с автоматом. А без огнестрельного оружия здесь можно сразу ложиться в гроб.

– Ну да, против того саблезубого льва дубиной или каменным топором махать бесполезно. Хотя и пистолеты с ружьями нам особо не помогли.

– Ты провел здесь слишком мало времени и увидел одно-единственное порождение человеческого воображения. Я уже наблюдал больше десятка, а по слухам их около сотни. Похожего или даже того же льва несколько месяцев тому назад наша группа заметила своевременно. Мы сумели его пристрелить, хотя израсходовали на это большую часть патронов и вынуждены были вернуться домой.

– Тупой вам лев попался. Более умный убежал бы, получив рану-другую.

– Здешние твари никогда не убегают. Если они атакуют, то идут до конца.

– Погоди, я только сейчас сообразил. Как мы могли встретить того же льва, если вы его убили?

– Это очередная особенность Пантеона. Конечно, доказательств нет, однако старожилы утверждают, будто убитые нами твари воскресают.

– О, сколько нам открытий чудных, – невольно процитировал Фролов. – Кстати, насчет корзин. Мне тут одна мыслишка пришла в голову, хотя подозреваю, что я далеко не первый. Если корзины имеют такую бешеную ценность, а европейцы с североамериканцами плести их не умеют, на этом можно построить шикарный бизнес.

– Говорят, была такая попытка лет двадцать тому назад.

– И что?

– А ничего! Там тоже хватает сообразительных людей. Расплели несколько корзин, сообразили, что к чему, и начали делать сами. Теперь заказывают у нас только, если требуется что-то сложное. А вот мы подошли к еще одному интересному месту, хотя нос туда совать не рекомендуется.

– А что там такого секретного?

– Никаких секретов, тут варят противозачаточное зелье.

– Ну да, в местных условиях родить и вырастить ребенка для современной женщины проблема еще та! Не всякая отважится забеременеть.

– На Пантеоне ни одна женщина не рискнет зачать ребенка.

– Даже так? Очередная придурь наших хозяев?

– Ты угадал. Любая беременность неизменно заканчивается смертью матери и ребенка.

Поэтому все женщины после связи с мужчиной пьют настойку, рецепт которой передан хозяевами Пантеона. Действует безотказно.

– Вот любят эти хозяева даже в мелочах осложнять нашу жизнь. Заставляют собирать травы, варить зелье, хотя готов дать голову на отсечение, что у них есть абсолютно надежные противозачаточные средства.

– Спокойнее, Валера, спокойнее. Здесь хватает куда более серьезных поводов для возмущения. Если так реагировать по мелочам, никаких нервов не хватит.

– Я уже спокоен, можно идти. Что там дальше по плану?

– Колесничий. Так у нас зовут человека, который делает колеса.

– Надеюсь, скоро закончит хотя бы пару штук, а то надоело таскать дичь на горбу.

– Таскать будем еще долго, большинство колес уходит в другие города. А оставшиеся берегут для телег.

– Так и я о том же. Делаешь небольшую телегу, впрягаешься в нее и везешь добычу. Всяко удобнее, чем мотать километры с жердью на плече.

– Ты не понял, Валера. В эти телеги запрягут лошадей.

– Разве у нас лошади есть? Впервые слышу.

– Ну, это не совсем лошади, а их местный вариант. Верхом на себе ездить не дает, но к телеге привыкает. У нас было четыре штуки, но две сдохли от непонятной болезни, а одна у мэра. Теперь ждем, чтобы наловить их побольше.

– Чего ждете-то?

– Возвращения стада. Здешние лошади очень редки и постоянно мигрируют. Около Херсона появляются раз в шесть – восемь лет.

– Ну-ну! До их появления еще дожить надо, – скептически заметил Фролов.

– Двигаемся, мужики! – бывший браконьер шагнул в распахнувшиеся ворота.

Толпа охотников качнулась за ним. Валерий поправил сбившуюся сумку. Вроде, несколько лет отданы воинским забавам, но когда дошло до серьезного дела, оказалось, что ему еще надо учиться, учиться и учиться. Реконструкторы бились ради забавы, ко многим вещам относились наплевательски, и только здесь Фролов начал понимать, сколько есть мелочей, от которых зависит его жизнь. Та же сумка должна висеть так, чтобы можно было выхватить из нее дополнительные патроны, не тратя на это лишних мгновений. Стремительная атака саблезубой твари заставила его на собственной шкуре ощутить, что порой жизнь от смерти отделяют доли секунды. То есть понимание к Фролову уже пришло, осталось научиться всем тем премудростям, которые обязательны нужны для выживания на Пантеоне.

День снова выдался теплым и солнечным. Трава заметно пожелтела, выгорела под лучами местного светила. В ней местами шебаршилась птичья мелочь. Пернатые внешне отличались от земных, но повадки имели схожие. Только вели себя осторожнее. На Пантеоне не было крупных хищников за исключением кошмаров, но те охотились только на людей. А вот мелких плотоядных хватало. Поэтому крылатая мелюзга спасалась, как могла. Большую часть времени пичуги висели в воздухе, заливая окрестности громким пением. Но им приходилось вить гнезда, высиживать птенцов, и тогда для местных хищников наступал праздник желудка.

– Слушай, Доминик, все забываю спросить. Здесь бывает зима?

– Нет, на Пантеоне всегда примерно одна и та же температура. И дождливых дней совсем мало, где-то раз в две недели. Иногда раз в неделю, иногда раз в три недели, но засух не бывает. И это хорошо, иначе бы испарилось наше маленькое озеро, и мы бы остались без воды.

– Я бы не зарекался. В первый же раз попрошу у раздаточного стола десятилитровую пластиковую бутылку. И тогда буду точно знать, ждать нам засухи или нет.

– Разве можно с помощью бутылки угадывать погоду? – удивился Леклер.

– Запросто, учитывая норов создателей Пантеона. Если мне дадут бутылку, значит засухи не будет, а если не дадут, надо искать тару и запастись водой.

– Вы, русские, порой удивительно мыслите. Мне такое в голову не приходило.

– Нас жизнь заставляла. Кто в эпоху дефицита из ношенных семейных трусов и картона делал модную шляпу, тот приспособится к любой ситуации.

Развить тему Фролов не успел. Впереди, метрах в пятидесяти, из ниоткуда возникла толпа людей. Хотя людей ли?

– Зомби! – воскликнул Леклер и зачем-то выщелкнул магазин своей «береты». – Хорошо, что у меня есть бонусная обойма, это три дополнительных заряда.

– Ты что делаешь? – удивился Валерий.

– А разве тебе ничего не говорили? – в свою очередь удивился Доминик. – Каждая пятая пуля серебряная. Лишь они эффективны против зомби, причем действуют, как обычные пули на людей. Если попадают в голову или сердце, то убивают, если в руку или ногу – только ранят.

– Стоит ли ввязываться в драку? – осторожно заметил Фролов, однако на всякий случай повторяя действия приятеля. – Они же медлительны, как зомбаки из фильмов, вон как медленно бредут. От них убежать легче легкого.

– Они уже навелись на нас, теперь не уйдешь. Когда стоишь, они еле движутся, но стоит побежать, как сразу оказываются за твоей спиной. Телепортируются, твари.

Леклер вскинул «берету», но стрелять не спешил. Все же сорок метров – многовато для точного выстрела из пистолета. Зато грохнули ружья. Несколько атакующих упало. Валерий тоже вскинул свой «Ремингтон». Первый выстрел он сгоряча смазал, зато вторым разворотил башку шедшему в первом ряду уродцу.

Попадание его немного успокоило.

– Если наш каждый второй заряд будет мочить зомбака, мы их всех здесь оставим, – подумал он.

Но дела обстояли вовсе не так радужно, как виделось Фролову. Ружья были всего у трети охотников, и на каждого приходилось не больше семи-восьми серебряных пуль. К тому же, как не медлительны были зомби, расстояние сокращалось гораздо быстрее, чем хотелось бы. А людям приходилось стоять на месте. Леклер доходчиво объяснил, чем чревата попытка отступления.

Вскоре зомбаки оказались в каких-то десяти метрах, и осталось их примерно столько же, сколько людей. Тут пистолет Фролова сухо щелкнул. Валерий выхватил из ножен катану, одновременно оценивая обстановку. Мчаться с мечом наголо в гущу оживших мертвецов у него не было ни малейшего желания. Если тварей брали из человеческих кошмаров, то единственный укус превратит Фролова в свежего зомбака. К тому же при всей своей медлительности они способны на короткое ускорение, отдаленно напоминающее бросок кобры, а силой твари превосходят обычного человека. Так что удар в лоб здесь не катит, надо, подобно отважным героям, идти в обход, то есть на фланг.

Зомби, с которым сошелся Фролов, при ближайшем рассмотрении оказался еще тем уродом. Скрюченная фигура, руки до колен, заканчивающиеся острыми когтями, вместо лица ошметки гниющего мяса – только копошащихся в нем личинок опарыша не хватало для полноты картины. У Валерия возникло жгучее желание снести мерзкую башку зомбака. Что он и сделал, тут же убедившись, что первая мысль далеко не всегда оказывается самой верной. Хотя голова отлетела прочь, тело продолжало двигаться вперед, а руки пытались ухватить обидчика. Фролов изловчился и располамил монстра, полоснув катаной чуть выше таза. Два обрубка рухнули на землю, нижняя часть туловища сучила ногами, а передняя на руках упорно двигалась в сторону Валерия.

– Ну давай, посмотрим, как у тебя получится без рук! – вызверившись, Фролов дважды махнул мечом.

Тут же со стороны общего побоища донесся отчаянный вопль:

– А-а-а, суки, кусаться! Так получайте.

Валерий на всякий случай шагнул назад и повернул голову. Он увидел одного из охотников, вломившегося в самую гущу зомби и там отчаянно размахивающего шашкой. Тупые монстры сосредоточили на нем все внимание, причем не пытались забрать оружие, а тыкались пальцами в человеческое тело, стараясь отхватить кусочек деликатесного мяса. Охотник не чувствовал боли, избыток адреналина действовал, словно лучший анестетик, он продолжал изо всех сил размахивать шашкой, отсекая все, что подвернется под руку – ноги, руки, головы.

Воспользовавшись благоприятной ситуацией, остальные бойцы принялись зачищать остатки нечисти. Фролов тоже успел поучаствовать в этом увлекательном занятии. Наученный предыдущим опытом, он уложил двоих зомбаков по одной и той же схеме. Сначала, широко размахнувшись, Валерий рассекал их на две части, а потом методично отрубал голову и конечности.

Битва закончилась. Зомби, на которых не хватило серебра, удостоились качественной расчлененки. Фролов сгоряча предложил всех добить, но от его наивного предложения с усмешкой отмахнулись:

– А смысл? Все равно появятся новые зомбаки, эти же сейчас безопасны.

У охотников нашлось другое печальное занятие. Тот самый отчаянный боец, ворвавшийся в гущу нечисти, умер от потери крови. Но были еще двое, укушенные ожившими мертвецами. Один из пострадавших не стал тянуть. Нервным движением выхватив пистолет, он приставил его к виску и, истерически завопив, нажал на курок. Второй глянул на упавшее тело, побледнел еще больше, хотя это казалось невозможным, и проговорил, выдавливая по слову:

– Не могу я, мужики, рука не поднимается. Давайте сами.

– Как не уважить последнюю просьбу человека! Поворачивайся и шагай, только медленно. Я буду целить в сердце, чтоб ты не мучился, – сказал бывший браконьер.

Грянул выстрел, третья жертва зомби рухнула на землю. Валерий подошел к Леклеру. У того в глазах стояли слезы.

– Ты не знал... тот, второй, который сам застрелился... это мой сосед. Мы с ним почти год жили, с первого дня, как сюда попали. Так удачно получилось, дом свободный оказался, поэтому нас вместе заселили. Теперь я остался один. Наверное, со дня на день заселят новичка. Это правильно, мы должны передавать опыт, чтобы люди не гибли вот так... а до чего же красиво он рассказывал, как мы друг за другом попадем на Райский остров, и вместо этого ему пришлось застрелиться!

Валерий не знал, что сказать в ответ. Десяток секунд он простоял молча, затем пробормотал какие-то слова. Доминик хлопнул его по плечу:

– Спасибо, Валера! Я понимаю, ты его плохо знал, но если согласен, давай вечером помянем моего погибшего друга.

– Да, конечно, только если нормально поминать, нужно спиртное, а у меня нет ни грамма. Хотя я встречал в Херсоне выпивших мужиков.

– Не волнуйся, решение всех вопросов я беру на себя...

На ужин Леклер пришел с холщевой сумкой – и где только ее откопал. Перекусив, он заглянул к поварихам, и сумка его заметно потяжелела.

– Идем ко мне, – сказал Доминик Фролову.

В доме они не задержались. Леклер оставил там сумку, а вместо нее взял две глиняные бутылки. С этой тарой они направились к административному зданию. Там на первом этаже Доминик остановился у двери с выпиленным оконцем. Оно было закрыто. Леклер постучал. Оконце распахнулось, и Фролов увидел эффектную жгучую брюнетку с огромными глазами удивленной газели (Хотя Леклер позже ядовито заметил, что глаза ее, как у пекинеса после кастрации).

– А, Доминик! – брюнетка качнула головой. – Опомнился-таки, решил забрать свою дозу. Собрался новичка спаивать?

– У меня сосед на охоте погиб. Вернее, сам застрелился. Его зомбак цапнул.

– Сочувствую твоему горю. Держи, помяните товарища. А новичок не собирается внести свою долю? Если я не ошибаюсь, он тут уже больше недели, ему теперь тоже положено, как и всем.

– Новичок потом сам разберется, – отрезал Леклер, забирая полные бутылки.

– Вот стерва! – бросил он в сердцах, выходя на улицу. – Ей же в конце каждого дня приносят списки погибших и вновь прибывших, чтобы она могла в своем грессбухе сделать поправки. Так нет же, сделала вид, будто впервые от меня слышит. «Собрался новичка спаивать», – передразнил он брюнетку.

– погоди, ты мне объясни толком и по порядку.

– Все элементарно. У администрации Херсона монополия на алкоголь. На мужика в неделю выдается литр вина и пол литра самогона. У женщин норма вдвое меньше. Если человека поймают на том, что он сам делает вино, его сурово накажут.

– А зачем таскать с собой бутылки?

– Потому что дефицит. Пантеон не расщедрился на подходящую тару, пришлось выкручиваться самим. Думаешь, легко на примитивном оборудовании лепить бутылки? Так что полные емкости выдаются только в обмен на пустые. Если случайно разбил бутылку, заставляют обрабатывать... Вот и пришли. Заходи. Сейчас закуски настрогаем и можно за стол.

Первые три тоста выпили, не чокаясь. В промежутках Доминик рассказывал о погибшем соседе, под конец, когда слегка запьянел, даже вспомнил несколько приключившихся с ними забавных историй. Звучало это немного дико, но такова была жизнь на Пантеоне. Достаточно сказать, что за год состав любого местного поселения менялся на треть, а то и больше. Так что смерть здесь перестают воспринимать, как нечто из ряда вон выходящее.

Казалось, что захмелевший француз должен обязательно заговорить о женщинах. Но то ли Доминик успел пропитаться русским духом, то ли допекло, но он перекинулся на политику.

– Оглобля уже всех достал! – начал Леклер, держа в руке кусок хорошо прожаренной дичи. – Об этом пока только шепчутся по домам, опасаясь чужих ушей, но рано или поздно от беспредела у народа лопнет терпение. Ты видел телку на раздаче спиртного?

Фролов кивнул головой – конечно видел, не слепой же!

– Сюда Оглобля угодил вместе с женой – такое хоть редко, но случается. Жена его – малосимпатичная колхозная баба, сейчас живет в отдельном доме на самом краю города, чтобы глаза не мозолила. Вместо нее он со временем набрал трех любовниц. С одной ты познакомился, яркая женщина, две остальных не хуже.

– Не пойму, как они согласились! Я видел мэра, с его рожей даже малосимпатичная колхозная баба за счастье!

– А кто их спрашивал! Заставили. Но тут Оглобля использует политику кнута и пряника. Одну любовницу он пристроил секретаршей, вторую посадил на раздачу спиртного, третья работает кем-то типа учетчицы на кухне.

– Теплые местечки. Главное, что сидишь в безопасности за стенами.

– Вот-вот! Одна дамочка взбрыкнула, так Оглобля мигом отправил ее добывать сердцевину хлебного дерева. А это, если ты хочешь знать, самая опасная работа. Кругом лес, из-за каждого дерева может выскочить тварь, и даже охрана не успеет среагировать. К тому же прежде чем достать сердцевину, надо подрубить ствол, а большинство монстров на шум наводятся очень быстро.

– Но как при таких раскладах Оглобля удерживает власть?

– Очень просто, он разными поблажками переманил на свою сторону бойцов третьего уровня. А это в любом городе главная ударная сила. Против людей с автоматами не сильно повоюешь, даже имея в руках пистолет или охотничье ружье.

– Надо же! По виду не скажешь, что Оглобля умен, а ведь разработал план и провернул такую хитрую операцию, – удивился Фролов.

– Ничего он не разрабатывал, слизал у предшественников. Я еще тебе об этом расскажу. Оглобля сумел задурить голову народу, который даже не представлял, что можно так нагло и беззастенчиво врать. Я не был тому свидетелем, но люди рассказывали. Прежний мэр, нормально отуправляя два годовых срока, на третий начал потихоньку съезжать с катушек в полном соответствии с высказыванием «всякая власть развращает». Но тогда у нас еще были честные выборы, на должность мэра претендовало сразу шесть кандидатов, и среди них Оглоблин. Ох уж он навешал лапши на уши электорату. Даже утверждал, будто знает способ, как выпрашивать у раздаточного стола ценные вещи, ну и заодно обвинил пока еще действующего мэра в краже корня Химеры. Якобы, он сбывает его в соседний город, а взамен там под заказ делают роскошную карету. И никто не подумал, для чего мэру карета, где он собирается в ней раскатывать? В городе нет особого смысла, а за городом опасно. Народ в массе своей поверил клеветнику. Вот на такой лжи Оглоблин выиграл выборы.

Первое время он выдерживал имидж борца за народное счастье, одновременно втихаря формируя элитную банду из вояк третьего уровня. Он им пообещал главное – непьющую работенку внутри города. Ведь в поле или лесу даже автомат не панацея. Есть несколько монстров, которым любое наше оружие по барабану, а еще с десятков ловко нападает из засады, и человек элементарно не успевает выхватить ствол. Жить всем хочется, поэтому народец третьего уровня для вида покочевряжился, но, в конце концов, стал силовой опорой мэра. В конце первого срока Оглобля устроил несколько показательных акций, запугавших людей до медвежьей болезни. Заодно он нашел одну мерзавку, которую поставил считать голоса на выборах. И больше никто к подсчету не допускался. Вот уже дважды он якобы подавляющим большинством голосов избирается мэром Херсона.

– Небось он своих людишек без очереди отправляет на Райский остров.

– А вот здесь мэр и его свора в пролете. Пантеон сам делает выбор, и никакие Оглобли не способны повлиять на это ни в малейшей степени.

– Кстати, давно хочу спросить, почему наш город называли Херсоном?

– Всего лишь чья-то мрачная шутка, которую почему-то одобрили массы. Упрощенно говоря, кошмар – это плохой сон или, если очень грубо, херовый сон. Вот отсюда и Херсон. Никакого отношения к украинскому Херсону мы не имеем.

– И еще вопрос. Для чего инопланетянам корень Химеры?

– А вот этого никто не знает. Лично я подозреваю, что он им вообще не нужен. Ты ведь уже понял суть их природы? Для них поиздеваться над себе подобными – самое милое дельце. Хотя не исключаю и прямо противоположный вариант. Благодаря каким-то уникальным характеристикам Пантеона корень Химеры обладает исключительными свойствами, которые даже инопланетяне при всей их продвинутости не в состоянии повторить.

– Но зачем тогда травить нас кошмарами? Дали бы спокойно собирать корень.

– Вот и я о том же. Либо этот корень нужен им в ограниченном количестве, либо делает более привлекательной задуманную ими игру. А то ведь скучно и предсказуемо, если каждого из нас рано или поздно уничтожат твари. Для повышения интереса необходимо дать нам шанс.

– Что ж, давай выпьем за освобождение от Оглобли, – Фролов после долгого перерыва разлил по чашкам, заменявшим стаканы.

– Или хотя бы за то, чтобы не стали мы вторым Чакрыром.

– Кем не стали?

– Чакыром. Это тот самый город, пример с которого взял наш убогий диктатор. Печальная история со счастливым финалом. Значит, дело было так...

Правитель Чакыра Кыванч Бельмаз мазнул взглядом по одноэтажному деревянному зданию. Мало, неказисто. По сравнению с дворцами турецких султанов оно, как серая песчинка рядом с драгоценным изумрудом. А скольких трудов стоило возведение этой самой песчинки – жутко вспоминать! Разумеется, сам Кыванч не рыл яму и не тесал бревна, однако ему приходилось демонстрировать чудеса дипломатии и купеческой изворотливости, чтобы выписать из соседних городов нужных мастеров по сходной цене. Еще счастье, что раздаточный стол расщедрился и выдал нужную краску. А то ведь мог разродиться инопланетным аналогом гуаши, который бы смыло первым дождем.

Несмотря на брюзжание Бельмаза, гарем получился на славу. Сомнительно, чтобы в таких сложнейших условиях собранные с бору по сосенке ремесленники смогли бы построить что-то более выдающееся.

Здание условно делилось на две части. В первой жили наложницы Бельмаза, во второй находился зал приемов, где женщины встречали своего повелителя, и комната для любовных утех, назначение которой нет смысла расшифровывать.

Кыванч распахнул дверь и, миновав прихожую с застывшим охранником, чинно вошел в зал. Семеро красоток уже ждали своего господина. А ведь всего пару лет тому назад не было у Кыванча ни гарема, ни красоток, ни собственной гвардии, лишь скрипучая кровать в одном из домов Чакыра. А еще был у него тяжелый пулемет, ведь на Земле Бельмаз страдал игроманией, и здесь сумел пройти четвертый уровень, хотя и потратил на это все три жизни. И однажды Кыванч со своим пулеметом уложил стаю волков-оборотней, с которыми не могли управиться полтора десятка бойцов, вооруженных ружьями и пистолетами. И задумался после этого Бельмаз: а почему, собственно, он имеет те же права и обязанности, как эти недотепы? Почему живет в таком же убогом домишке, деля его с напарником, и вынужден на общих основаниях конкурировать за благосклонность местных красоток? Вот тогда и возникла у него мысль стать правителем Чакыра. Со временем мысль трансформировалась в конкретный план. Давно заметил Кыванч, что в поле гибнут все: и меченосцы, и стрелки из пистолетов, и автоматчики. И при этом все хотят жить. А что может спасти от гибели надежнее, чем постоянное пребывание в четырех стенах? Вот он и посулил бойцам третьего уровня относительную безопасность (ведь некоторые, к счастью немногие, твари умудряются беспредельничать даже в городе), если с их помощью захватит власть в Чакыре.

План сработал безукоризненно. Кыванч уселся на трон, который спешно соорудили местные умельцы по дереву, и стал жить в свое удовольствие...

В центре зала стоял стол, на котором в глиняных блюдах лежали фрукты. Бельмаз снова поморщился. Нет, это не султанский дворец в Стамбуле. Где горный хрусталь, где украшенные золотом и самоцветами стены, где, в конце концов, музыканты, услаждающие слух чудными звуками? А нету! Проклятые инопланетяне издевательски лишили его этих видимых атрибутов власти. Мол, любой каприз будет доступен человеку на Райском острове.

А ему туда не надо! Там он будет лишь одним из многих, а не первым и единственным. К тому же Бельмаз подозревал, что в последнее время на Райский остров прошмыгнуло несколько его явных недоброжелателей. Аллах знает, какие там порядки? Вдруг на Райском острове поощряется месть за нанесенные обиды? Тогда Кыванч там не жилец. Именно поэтому он исключил себя из списка кандидатов на путешествие на остров. Имелась такая функция, доступная только правителю города. Возможно, инопланетяне подразумевали, что справедливый мэр отстранит от участия в лотерее бездельников и нарушителей дисциплины, которые присутствуют в любом коллективе. Возможно, они еще не сталкивались с изощренным коварством некоторых представителей *homo sapiens*.

Кроме себя Бельмаз исключил из списка своих наложниц, о чем им же проболтался, будучи в сильном подпитии. Если говорить о земной жизни, то Кыванч был человеком современным, не гнушающимся распространенных пороков, поэтому наряду с игроманией страдал легкой формой алкоголизма.

После этих слов наложницы первый и единственный раз устроили забастовку. Они дружно отказались обслуживать своего господина. Не помогли ни угрозы, ни парочка увесистых затрещин. Тогда Бельмаз пустился на хитрость, заверив женщин, что со временем контингент гарема подлежит обновлению. По мере смены кадров все невольницы окажутся на свободе, и дорога на Райский остров будет им открыта.

Кыванч уселся за стол, потянул руку за оранжевым плодом, по вкусу напоминающим манго. Наложницы сидели молча, ожидая, на ком сегодня остановится взгляд повелителя. Бельмаз мысленно предположил, что их родителями были ослицы и шелудивые псы. (Русских в городе не было, поэтому никто не мог научить его ругаться по-настоящему.) Для такой емкой характеристики у него имелись все основания. Ну ладно, нет музыкальных инструментов, поэтому нельзя порадовать глаз владыки эротическими танцами. Но языки-то у всех девиц на месте. Почему бы не усладить слух повелителя изысканными речами? Увы, чего им не дано, того не дано. Они только и умеют, что сплетничать о всяких глупостях. Кроме того, с недавних пор Бельмаз заметил, что наложницы с каждым разом выглядят все мрачнее и мрачнее. И началось это после того, как он проговорился, что закрыл им доступ на Райский остров. Но ведь временно, он же сказал, что гарем ждет ротация кадров. Или они больше верят не словам владыки, а поступкам? Да, имелся такой неоспоримый факт. Бельмаз лично осматривал молодых девушек и женщин, только попавших в город. Почти всех их он браковал, однако недавно одну из них выбрал в свой гарем. И при этом всех старожиллов гарема оставил в списке «невыездных». Но разве это повод встречать своего господина с кислыми рожами?

– Эй, Иорданка, расскажи мне что-нибудь интересное, – обратился Бельмаз к голубоглазой болгарке, которую одной из первых сделал своей наложницей.

– Что тебе рассказать? – спросила красотка, после короткой паузы невнятно добавив, – повелитель.

– Если бы я знал то, о чем ты можешь рассказать, то не стал бы просить. Поведай что-нибудь неизвестное мне, какую-нибудь интересную историю.

– Я не знаю таких историй, – на этот раз Иорданка и вовсе обошлась без «повелителя».

– Совсем распустились дочери дьявола! – подумал Кыванч. – Надо кого-то из них сурово наказать, тогда остальные станут, как шелковые. Но с этим успеется... Да, обидно до слез. Ни музыки тебе с танцами, не увлекательных бесед. Придется волоочь женщину в постель без всякой выдумки, как простому смертному.

Бельмаз доел фрукт, вытер губы льняной салфеткой, изрядно выцветшей от многочисленных стирок, поскольку другую взять было негде, и окинул взглядом притихших женщин.

– Ариадна, – сказал он, вставая и протягивая руку.

На лицо очаровательной гречанки налетела едва заметная тень. И это вместо радости, что сегодня выбор повелителя пал на нее. Совсем распустились, неверные!

Знал бы Бельмаз, что дела его даже хуже, чем могло присниться в кошмарном сне. Все же Пантеон – не Турция, к наложницам евнухов не приставишь – ввиду их полного отсутствия. Женщины располагали свободой, пусть и ограниченной, чем воспользовались, когда возникла такая необходимость.

Первой начала словенка Милица:

– Сколько нам еще терпеть этого жиреющего борова? Меня уже тошнит от его соленых объятий и слюнявых поцелуев.

– А что нам делать? Если откажемся делить с ним ложе, нас ждет страшная участь. Я не хочу копать корень Химеры рядом с ужасными монстрами. Пусть все остается, как есть, – покорно сказала турчанка Фариша.

– Я бы терпела, если бы Кыванч сдержал обещание и дал нам шанс отправиться на Райский остров. Но он солгал, и мы обречены улаживать этого уродца, пока не утратим своей красоты. А потом случится то, чего так боится Фариша. Нас отправят за стены города, – констатировала Ариадна.

– Это понятно. Но что нам делать? У нас нет оружия, да мы и не умеем с ним обращаться. Любая наша попытка избавиться от Бельмаза обречена, – со вздохом заметила чернокорка Влада.

– В городе тоже возмущены нашим хозяином, но молчат, боятся. Страшно, когда на тебя нацелены автоматы с пулеметами, – сообщила натуральная блондинка Тереза, одна из немногих горожанок, родившаяся в стране, которая никогда не входила в состав Османской империи.

– Откуда ты знаешь про настроение в городе? – спросила Иорданка.

– Я иногда встречаюсь с одной девушкой. Она работает поварихой в столовой.

– Постойте-постойте! – воскликнула Милица. – Кажется, у меня есть идея...

На следующий день Тереза встретила повариху. Предлог был обычный, наложница собиралась заказать на обед свое любимое блюдо. Специальная готовка была одной из привилегий, дарованных Кыванчем своему гарему.

Поначалу разговор не клеился. Повариха побаивалась откровенничать. Кто знает, вдруг это провокация, устроенная Бельмазом? Ситуация в городе накалялась. Хотя Кыванч и его подручные опасались беспределничать, людям уже седалищной костью в горле сидела его власть. Надоело, что самое лучшее достается тем, кто безотлучно находится в городе, тогда как остальные ежедневно рискуют жизнью.

Хитрый Кыванч запросто мог использовать своих наложниц не только по прямому назначению. Почему бы не задействовать самую толковую из них, как провокаторшу? Прописная истина – пожар надо тушить, пока он не разгорелся, иначе может быть поздно. Кто знает, возможно Кыванч решил с помощью Терезы выйти на зачинщиков готовящегося бунта, схватить их и таким образом надолго гарантировать себе безопасность? Потому повариха и осторожничала, всеми силами уклонялась от скользкой темы.

Хорошо, что сообразительная Милица предвидела такой поворот событий и разработала план разговора на все случаи жизни. Короче, настала очередь Терезы рисковать. Она, хотя и без подробностей, рассказала, как наложницы собираются избавиться от местного тирана.

– Завтра! Продолжим наш разговор завтра, – слегка подумав, ответила повариха.

Их новая встреча не затянулась.

– Подойди вечером к швее. У нее для тебя есть обновки.

Если это и были обновки, то исключительно для отвода глаз, в расчете на то, что разбирающийся в женской моде, как правоверный мусульманин в сортах свинины, Бельмаз ничего не поймет. Забегая вперед, так оно и вышло.

В доме швее Терезу ждал среднего роста худощавый мужчина с лицом, будто высеченным из камня. Это был Милаш Суботич, бывший сербский полицейский, оказавшийся среди простого люда исключительно из-за неприятия компьютерных забав. Он не сумел одолеть даже первый уровень. Пантеон оставил Милаша без оружия, но не смог лишить боевого духа. От полицейского Тереза не стала ничего утаивать, рассказала весь план до мельчайших подробностей.

– Да, – усмехнулся тот, – женское коварство – страшная сила, тем более опасное, что от слабых и очаровательных созданий не ждешь смертельного удара. Теперь очередь за нами. Я поговорю с верными людьми, затем какое-то время уйдет на подготовку. Но и тянуть нельзя. Насколько я понимаю, в курсе задуманного весь гарем.

– Да, весь, – подтвердила Тереза.

– А женщины – оружие обоюдоострое, хотя бы в силу своей... э-э-э... повышенной врожденной разговорчивости. Так что постараемся сделать все быстро, но при этом со всей возможной тщательностью...

Очередной поход к наложницам складывался замечательно. Женщины встретили Бельмаза ласково, как в старые добрые времена. Они выставили на стол бутылку самого лучшего вина, которое можно было отыскать в городе. Выпили рюмочку-другую, и Иорданка неожиданно запела. Голос у болгарки был мелодичный, ласкающий слух. Кыванч довольно улыбнулся. Теперь он хотя бы на шаг стал ближе ко двору турецкого султана. Улыбнулся и между делом опустошил стакан, в который наложницы осторожно подлили обманчиво легкого вина.

Вскоре отпала всякая необходимость в осторожности. Захмелевший Бельмаз сам тянул руку к бутылке, второй помахивая не совсем в такт очередной песне. Потеряв бдительность, он не услышал, как рядом с домом коротко ухнул чукан – местный аналог земной совы. А если бы и услышал, вряд ли бы обратил внимание. Чуканы в изобилии водились по всему Пантеону и особенно полюбили города, где хватало различных грызунов.

А вот женщины тут же отреагировали на уханье птицы. Милица, как самая решительная из всех, первая бросилась на Кыванча. Ей удалось сбить его со стула на пол. Тут же к разборке подключились остальные наложницы. Бельмаз был намного сильнее любой из них. Но когда семеро на одного, да к тому же перестаравшегося с выпивкой и не ожидавшего нападения, не надо ходить к гадалке, чтобы предсказать итог схватки...

Система обороны административного здания, где обитал Бельмаз с подручными, от собственного народа была устроена достаточно незатейливо, но при этом вроде бы надежно. Местные умельцы проложили ход на крышу, где сколотили специальную платформу. На ней установили пулемет. Круговой обзор позволял вести смертоубийственный огонь по любой точке в городе, тяжелые пули насквозь прошивали жилые домишки. Окна первого этажа те же умельцы забрали решетками из самого прочного местного дерева. В темное время суток по первому этажу расхаживал боец, готовый автоматным огнем пресечь попытку взломать решетку.

Двери на ночь запирались, причем ключи были только у Бельмаза и его ближайшего подручного. Обоих, появившись они в жилом районе без охраны, народ разорвал бы голыми руками, поэтому исключалась передача ключей заговорщикам.

Но в любой обороне есть слабые места. За все время не было ни одной попытки штурмовать логово узурпатора, и охранники несли службу, как Бог на душу положит. Мужчина лет тридцати с наголо бритой головой так увлекся борьбой с дремотой, что встрепенулся только от подозрительного металлического звяканья. Он вскинул голову и увидел за окном женщину. Та, в свою очередь, заметила, что боец вернулся к несению службы, и тихонько постучала в окно. Тот пригляделся. Кажется, эту дамочку он видел среди наложниц Бельмаза. Но стопроцентной уверенности не было, не так часто хозяин демонстрировал холуям своих красоток, поэтому он слегка приоткрыл форточку и грубо бросил:

– Чего тебе?

– Помогите! Наш господин выпил лишнего и не может ходить. Надо отнести повелителя в его личные покои.

– Ты что, с кипариса рухнула? Уважаемый Кыванч строго-настрого запретил по ночам выходить из дворца. К тому же у вас есть отличное место для ночлега.

– Но он говорит, что хочет домой, в свои покои.

– Так он в состоянии разговаривать! – вырвалось у охранника. – Ничего, завтра проснется и поймет...

Что должен понять Бельмаз, навсегда осталось невыясненным. Ведь красавица заговаривала охраннику зубы, а металлическое звяканье, вырвавшее его из дремы, объяснялось очень просто. Милаш открывал дверь ключами, взятыми у Кыванча.

Боец успел заметить краем глаза смутное шевеление, и тут же рухнул на пол. В его груди торчал кинжал, запущенные твердой рукой бывшего полицейского. Милаш еще раз ухнул. Из-за ближайших домов к мэрии устремились вооруженные люди. Они мчались быстро и при этом в абсолютной тишине. А Бельмаз вчера сдуру обрадовался, что горожане буквально выливали прилегающую к его логову территорию. Не оставили ни мелкого камушка, ни маленькой веточки. Знал бы он, что генеральную уборку затеяли с единственной целью – чтобы без шума и максимально быстро занять исходные позиции. Три человека несли бурдюки, сделанные из шкур местных животных. Они шустро заскочили в здание. Остальные, держа наготове оружие, заняли позиции вокруг бандитского гнезда.

Восставшим повезло, падение охранника встревожило лишь одного человека. Милаш вовремя среагировал на скрип открывающейся двери, благо, до нее ему было меньше десяти метров. Едва в коридор высунулась заспанная физиономия, бывший полицейский вторым кинжалом перерезал боевику горло. Ему он не позволил упасть, вовремя подхватил и осторожно уложил на пол. Тут и троица с бурдюками подоспела. На пол хлынула жидкость, добываемая из масляного дерева. По консистенции жидкость походила на нефть, а горела даже лучше.

Вспыхнул огонь. Четверо выскочили во двор. Хотя здание было каменным, дерева внутри хватало. Поэтому занялось быстро и разгорелось так, что для тушения требовалась пожарная команда. Команда внутри дома была, но она специализировалась не на тушении, а на разжигании огня. Огня народной ненависти, который вылился в погребальный костер Бельмазу и его прихвостням.

Некоторым боевикам повезло. Они не успели проснуться и задохнулись в едком дыму. Но большинство выскакивало из комнат. Кто-то через окно, остальные через пылающий коридор. Прыгуны, как правило, отделялись легким испугом и мелкими повреждениями. Их тут же вязали и отводили в сторону. Выбегающим из двери повезло меньше. Многие боевики успели прихватить оружие. Стволосцев убивали на месте во избежание неприятностей. То и дело под раздачу попадали безоружные. Дело ж такое, лес рубят – щепки летят. Уцелевших перехватывали, не давая разбежаться, и отправляли в общую кучу. Всего набралось тридцать восемь пленников.

Нападавшие не потеряли ни одного человека. Милаш даже не поверил, когда ему сообщили это известие. Вроде, стреляли и не слабо. Да и противостояли им не пай-мальчики, а матерые волчары, собаку съевшие в измывательствах над себе подобными.

Уцелевших бандитов судили. Выжившего помощника Бельмаза и еще шестерых головорезов, замеченных в регулярных издевательствах над людьми, забрав оружие, приговорили к изгнанию из города. Те сразу взмолились, слезно просили их расстрелять. Ведь смерть смерти рознь, и что может быть хуже, когда тебя атакует толпа зомби, или гигантский паук впрыскивает медленно разъедающую тело жидкость? Адские муки – для тех, кто не понимает.

Пятерых уважили, а наперсника Кыванча и бандита, отличавшегося ярко выраженными садистскими наклонностями, даже слушать не стали. Погнали прочь бранью и увесистыми колами.

Помилованных расселили по обычным домам и определили в разные команды, чтобы не было соблазна вновь прибрать к рукам власть и усесться на шею народу.

Неделя выдалась замечательной. Казалось, что ты оказался на африканском сафари, а не в месте, где большинству людей уготована жуткая смерть. За четыре вылазки охотники не встретили ни одного кошмара, при этом дичи набивали столько, что каждый второй день оказывался выходным.

Благодаря массе свободного времени все и произошло. Ежедневно несколько часов Фролов проводил на полигоне, отлично понимая, что в стрельбе он заметно уступает большинству охотников, а от меткости порой зависит его жизнь. Впрочем, последнее понимали и другие жители Херсона, и на стрельбище с утра до вечера стоял жуткий грохот.

Каких-то развлечений в Херсоне не было, и Валерий в полной мере оценил мудрость кого-то из предыдущих руководителей города, жестко лимитировавшего потребление спиртного. Не будь его, многие спились бы от безделья и обреченности. Тем более, что в основном Херсон заселяли россияне.

Поговаривали, что поначалу речь вообще шла о сухом законе, но с той же мудростью от такой кардинальной меры отказались. Да, в маленьком городке было бы легко выявить самогонщиков, но кто бы стал этим заниматься? С куда большей вероятностью отделали бы, как Бог черепаху, того, кто посмел замахнуться на святое.

Вот так, убивая свободное время, Валерий бродил по городу и совершенно случайно увидел девушку, срывающую на обочине протоптанной дороги неказистые цветочки. Сперва Фролов обратил внимание на великолепную фигурку незнакомки. Когда же она к нему повернулась, Валерий понял, что пропал! Нельзя сказать, что лицо девушки было совершенным, возможно, кому-то оно даже показалось бы не стоящим внимания. У каждого свои вкусы. Но именно такой тип лица поражал Фролова в самое сердце. Он застыл истуканом, не в силах оторвать взгляд. Пауза затягивалась до неприличия. Большинство девушек в такой ситуации возмущенно фыркнули бы или стеснительно отвернулись. Но, очевидно, Фролов незнакомке тоже приглянулся. Она заговорила первой:

– Что, не понимаете, для чего я собираю невзрачные цветочки?

– Ну, видимо за неимением лучшего, – наконец-то обрел дар речи Фролов.

– Ошибаетесь. Я – художница, расписываю глиняную посуду. Хочу взять эти цветы за образцы. Посмотрите, они бледно окрашены и малы, но у них совершенная форма. Если добавить ярких красок и увеличить размер, на чашках и тарелках цветы будут замечательно смотреться.

Валерий подошел, посмотрел.

– Да-да, восхитительные формы, – пробормотал он.

Чувствовалось, что его фраза относится вовсе не к цветам.

Возникла еще одна неловкая пауза, которую Фролов торопливо прервал:

– А мне не дано творить, я охотник.

– Так это же замечательно! Без моих рисунков город легко проживет, а вы спасаете нас от голодной смерти, при этом рискуя своими жизнями.

– В охотники я угодил из-за отсутствия нужных для города талантов, – скромно отметил Фролов, намекая, что способности девушки оказались востребованными, раз ее не бросили на сбор корня Химеры или даров леса.

– Просто я застряла на нулевом уровне. Всю жизнь увлекалась художественным творчеством, с компьютером никогда не игралась, здесь за какой-то десяток секунд умудрилась потерять все три жизни, – в свою очередь поскромничала девушка – как будто для работы сборщицей требовался минимум третий уровень.

– А я дошел до второго, – поведал Фролов, не зная, что еще сказать.

– Ой, извините, мне пора бежать, работа ждет. А вы приходите обязательно на гончарный двор. Спросите Любу Соболеву. Меня Любой зовут.

– Очень приятно! А меня Валерием.

– Взаимно. Так вы приходите, не стесняйтесь, – и девушка послала на прощание воздушный поцелуй.

На душе у Фролова пели-заливались соловьи. Ра за разом он вспоминал посланный ему воздушный поцелуй, старательно убеждая себя:

– Это не просто дань вежливости. Я ей тоже приглянулся. Только надо не медлить, а уже в ближайшее время развить успех...

– Разминай плечи, Валера, – усмехнулся Доминик, выходя из городских ворот.

– Обойдусь. Видишь, у меня сменщики объявились, – Фролов кивком головы указал в сторону троих новичков, влившихся в отряд охотников.

Один из них был с автоматом – потенциально будущий член группировки Оглоблина. Именно так мэр рекрутировал новых бойцов. Не принуждал, едва кто-то из прибывших проходил третий уровень, а давал время осмотреться, на собственной шкуре испытать все прелести кошмарного мира. И только через месяц кто-то из ветеранов подкатывался к новичку с предложением, от которого большинство не могло отказаться. Да и какой нормальный человек предпочтет смертельно опасную жизнь охотника или разведчика спокойному и не обремененному утомительными хлопотами существованию в городе?

За воротами шутки кончились, люди посерьезнели. Насупился даже весельчак Мишаня, известный всему Херсону своими хохмами. Это он выклянчил у транслятора коробку, как две капли воды похожую на те, в которых на стрельбище лежали патроны, и кое-что еще в придачу. Каково же было изумление инструктора, мужика сурового и, похоже, ни разу в жизни не смеявшегося, когда в открытой коробке он вместо боеприпасов узрел упаковки презервативов с надписью «А че? Тоже жизнь убивает, причем в зародыше».

Все отлично понимали, что не на пикник отправляются, люди двигались с напряженными лицами и непрерывно оглядывались по сторонам.

– Носорог! – волна шепота, зародившись в первом ряду, моментально докатилось до последнего.

Конечно, пасшееся впереди животное носорогом не было, так его прозвали земляне из-за удивительного сходства. У зверя на носу был только один рог, длиной иногда до метра и острый, как копьё. Непонятно было, зачем ему такое грозное украшение, ведь местные хищники на животных не охотились, их в качестве добычи интересовали только люди. Хотя кто знает, возможно, где-то далеко, там, куда мигрируют стада копытных, свирепствуют обычные плотоядные, просто рядом с поселениями людей кошмары по какой-то причине всех их безжалостно истребляют?

По большой дуге отряд начал обходить травоядного гиганта. Как говорится «у носорога плохое зрение, но при таких размерах это уже не его проблемы». Действительно, местные носороги в смысле дурного характера мало отличались от земных. Если им вожжа под хвост попадала, могли яростно броситься на любой подозрительный шум. Отстреливайся потом от него, если сможешь. Охотиться же на травоядного гиганта не имело смысла. Весил он минимум две тонны, разделять и уносить запаришься, а столько мяса городу не съесть, половина сгниет, тем более, что оно жесткое и безвкусное. Один раз попробовали, зареклись на всю оставшуюся жизнь. А тот же Мишаня пожелал кошмарам всю жизнь носорогами питаться.

Миновали вздорного гиганта, и самые глазастые охотники начали сканировать местность. Опять же недобрым словом вспоминая прижимистых инопланетян. Все попытки выпросить бинокль или хотя бы набор линз закончились ничем.

Около часа заняли поиски, но оно того стоило. Было замечено стадо газелей, чье мясо считалось лучшим деликатесом. Газели были одними из самых мелких копытных Пантеона, весили от двадцати до тридцати килограммов, отличались резвостью и повышенной бдительностью. Кстати, бдительность здешних травоядных тоже вызывала вопросы. Почему они все время настороже и дают деру при малейших признаках опасности? Тоже виноваты загадочные хищники дальних земель или у копытных на генетическом уровне искусственно закреплен страх перед человеком с ружьем? Загадки, сплошные загадки.

На этот раз расстояние между собой и дичью удалось сократить метров до ста пятидесяти. Ожидаемо, поскольку командир взял с собой шестерых лучших охотников, оставив остальных перекурить в сторонке.

Фролов, находясь слишком далеко от стада, заметил только, как после выстрелов газели молниеносно рванули прочь. Он не видел, сколько их упало, и упал ли кто-то вообще. Но тут же стало ясно, что сегодня они с добычей, поскольку охотники поднялись и двинулись вперед. Не стали бы они этого делать, если бы промазали, вернулись бы к основному отряду.

Охота оказалось удачной, на траве лежало шесть газелей. Для людей их быстрота и бдительность частично компенсировалась слабостью на раны. Некоторые антилопы даже с тяжелыми ранениями умудрялись отмахать километр и больше. Газели, словив пулю, почти всегда оставались на месте.

Командир оценил в уме ситуацию. Если добычу разделать на месте и распахать по некоему подобию рюкзаков, сшитых городскими мастерицами, две трети отряда сможет продолжить охоту. С другой стороны, добыто больше ста килограммов деликатесного мяса, хороший результат для отряда, а разделка займет время, чего доброго, заявятся привлеченные выстрелами кошмары.

– Возвращаемся, – решил командир. – Приторачивайте добычу к шестам.

Он слишком долго колебался. Раздался истошный вопль:

– Доктор!

Метрах в четырех от себя Фролов заметил благообразного старичка в белом халате. Старичок идеально подходил на роль доктора Айболита в одноименном фильме. Лицо его было доброе-доброе, на нем застыла благодушная улыбка. Движения старичка были плавные, осторожные, чтобы лишний раз не травмировать психику больного. При этом он цепко ухватился за руку одного новичка:

– Что ж вы так боитесь прививочек? Один укольчик – и все!

Парень завис, словно компьютер, поскольку, вопреки утверждению классика, в его сознании напрочь отсутствовало единство противоположностей, только борьба. Борьба между образом милейшего старичка-доктора и его восприятием окружающими, как нечто ужасное. А старичок с юношеской прытью вколол иглу шприца в руку и надавил поршень. Почти сразу же грохнули выстрелы. Несколько пуль угодили кошмару в грудь, одна, из винтовки, разнесла ему голову. Мнимый Айболит рухнул на землю. Но было поздно. В шприце находился сильнейший яд, действовавший мгновенно. Новичок упал на секунду раньше кошмара.

Одно, хотя и сомнительное утешение – он умер, не почувствовав боли, на лице его сохранилось выражение недоумения. А вот доктор выглядел неважно. Если честно, отвратительно выглядел доктор. Его голова превратилась в мешанину костей, ошметков мозга и кусочков мышц. Грудь наводила на мысль, что из нее хотели сделать душлаг, но передумали. Впрочем, какое это имело значение, если, по утверждению старожил, доктор с абсолютно такой же внешностью уже завтра будет рассекать просторы Пантеона в поисках новой жертвы.

Тело новичка оставили на том месте, где его настигла смерть. По местным поверьям труп человека обязательно найдет другой кошмар и устроит жуткий пир, тем самым отложив на время поиск жертв. Фролов считал это банальной отмазкой, придуманной, чтобы не обременять себя лишней ношей, которая бы тормозила уцелевших. А надо ли говорить, чем чревата любая задержка вне городских стен? Желание похоронить жертву по-человечески могло закончиться новыми смертями.

Фролов первым вскинул на плечо жердь с газелью. Вроде бы сбывалось ехидное пророчество Леклера. Но Валерий знал, что делает. Прошагав километра два, он тормознул одного из новичков и поставил его на свое место. А сам начал внимательно оглядываться. Ага, вот и они.

– Командир, я отскочу буквально на минутку.

– Куда! – открыл рот бывший браконьер, но Фролов его не услышал.

Он метнулся к небольшой купине, где росли шикарные цветы. Их Фролов заприметил незадолго до встречи с носорогом. В лихорадочном темпе Валерий ломал упругие стебли. Потом он все подравняет и упорядочит, сейчас не до того.

– Ну ты ваще! – бросил глава охотников, не находя других цензурных слов. – У нас горе, товарищ погиб, а ему плевать, цветучёчки собирает!

С товарищем, между прочим, он погорячился. Новичок впервые оказался в их коллективе, не все даже помнили его имя. В остальном глава был прав. Фролов сам чувствовал неловкость, срывая цветы. Не самый подходящий момент для такого занятия. Но, извините, бывают ли на Пантеоне подходящие моменты? Здесь почти каждый день кто-то умирает. И сам Валерий не застрахован от летальной встречи с одним из монстров. Поэтому он твердо решил ускорить знакомство с Любой. А как идти на первую полноценную встречу с девушкой без цветов? Он же, в конце концов, рыцарь, пусть даже это звание ему присвоили другие реконструкторы.

Фролов испытывал неловкость, идя по Херсону с пышным букетом. Тем более, что многие встречные, прежде всего женщины, с любопытством смотрели на него. В их взглядах буквально читалось:

– Интересненько, где он взял такую красоту? И кому несет?

Удивление было легко понять, за все время пребывания здесь Валерий ни разу не видел мужчину с цветами.

По закону подлости надо было пересечь большую часть города. Но вот он распахнул створку небольших ворот и оказался во дворе гончаров. Увы, девушки там не было, а было трое женщин, тоже во все глаза уставившихся на цветы.

– А где Люба? – спросил Валерий.

– Она в доме, сейчас позову, – спохватилась одна из женщин.

Девушка вышла через минуту. Увидела букет и от изумления издала короткое восклицание. Но дурацкого вопроса «это мне?» задавать не стала, подошла к Фролову и взяла протянутые цветы. Затем повернулась к женщинам:

– Тут до конца работы осталось всего ничего.

– Конечно, иди, – послышался ответ на невысказанную просьбу.

На улице, поблагодарив за подарок, Люба немного попеняла Валерию:

– Не стоило рисковать. Ты же потратил время, чтобы их собрать, а в поле человеку каждую минуту грозит опасность. Ладно, сейчас зайдем ко мне, только надо придумать, куда эту красоту поставить.

Жизнь на Пантеоне заставляла спешить. Если на первом свидании они гуляли до темноты, рассказывая друг о друге, то уже на втором Люба пригласила Фролова в гости. Ее понятливая соседка куда-то ушла на весь вечер. Валерий захватил с собой бутылку вина, Люба выставила на стол местные фрукты. Проблема возникла лишь однажды. Фролов привык, что переход в отношениях между полами от платонических удовольствий к плотским наслаждениям происходит под берущую за душу музыку. В танце сначала прижимаешь крепче девушку к себе, а затем целуешь. Если с ее стороны нет возражений, можно переходить к осторожному раздеванию.

Здесь пришлось выкручиваться без музыки. Но все прошло штатно, да и Люба ожидаемо оказалась не девушкой. Поэтому уже через час после того, как парочка уселась за стол, они лежали в постели, и разгоряченный Валерий откинул в сторону одеяло. Люба ласково поглаживала его поросшую черным волосом грудь.

– Вряд ли подружка согласится часто уходить из дома, – намекнула она.

Вот так стремительно развивались события на Пантеоне. От первой встречи до необходимости принять решение о женитьбе прошло всего несколько дней.

Здесь условия диктовали подобную необходимость. В городе были свободные дома, но они предназначались молодоженам. Никто не позволит использовать их для обычного блуда. А других мест для встреч влюбленных в Херсоне просто нет: ни сеновалов, ни надежных укрытий.

– Мне надо подумать, – хотел сказать Фролов, но вовремя прикусил язык.

Такой ответ может обидеть Любу. Она, хотя и в завуалированной форме, дала понять, что готова к совместной жизни. Будь иначе, не стало бы упоминать про подружку. Просто тихо спровадила бы его восвояси, а назавтра сделала вид, что между ними ничего не было. Да и чего думать-то? Лучше Любу он в городе точно никого не найдет, а молодому парню, уже вкушившему прелести интимной жизни, тяжело обходиться без женщин. В этом Валерий успел убедиться, хотя прожил в Херсоне всего ничего. От спермотоксикоза не умер, но в списке тягот местной жизни отсутствие женской ласки стояло на втором месте после опасности умереть.

– Если ты согласна, присмотрим домик под семейное гнездышко, – сказал он.

Вместо ответа Люба его поцеловала и глянула в окно:

– Стемнело. Надо хотя бы одеться, а то соседка вот-вот явится.

Втроем с пришедшей соседкой они допили остатки вина, после чего Фролов раскланялся. Он вышел на улицу, повернул к своему дому, и тут из-за строений нарисовался какой-то тип, целеустремленно двинувшийся к Валерию:

– Слышь, урод, ты че забыл у Любаши?

Говорил тип зло, взвинчивая себя перед задуманной им дракой. Фролов окинул его быстрым взглядом. Средней комплекции, чуть ниже Валерия ростом, примерно одного с ним возраста. Если парень не занимался единоборствами или не был записным уличным драчуном, он зря нарывается.

– Не твое дело, козел, – вызывающе ответил Фролов.

Молодой человек охотно повелся на провокацию.

– Ах ты, сука! – заверещал он, срываясь на фальцет.

Вот не надо было ему этого говорить. Вообще не надо было ничего говорить, а молча действовать. Бить первым. Но он любезно предоставил эту возможность Фролову. Да еще увлекся собственной декламацией. Нет, не боец, явно не боец.

Валерий резко выбросил руку, вкладывая в удар вес своего не самого маленького тела. Парень успел уклониться, но только самую малость, и боковой в челюсть со своей задачей в основном справился. Не отключил противника намертво, но одарил легким нокдауном. Задира «поплыл», его заметно пошатывало. В таком состоянии он мог бы отбиться разве что от дошкольника. Фролов, не страдая излишним гуманизмом, ткнул его кулаком в живот, а когда того скрючило от боли, врезал от души по любезно подставленной шее. Парень рухнул на вытоптанную траву и затих. Валерий спокойно зашагал по освободившейся дороге к дому.

А там его уже ждали... Можно только удивляться загадочным вывертам человеческой психики. В Херсоне постоянно гибли люди, но каждое из этих трагических событий оставалось незамеченным большинством горожан. О романе Фролова, похоже, не судачил только ленивый. Ну ладно незадачливый ревнивец. Он, скорее всего, имел на Любу свои виды, ему вроде полагалось знать о ее жизненных перипетиях. Но вот откуда об этом стало известно соседу Валерия?

– От Любаши? – поинтересовался Семен, явно только для того, чтобы начать разговор.

– А ты откуда знаешь? – удивился Фролов.

– Как откуда? Я твой сосед или так, погулять сюда зашел? А городок наш, как рентгеном просвечивается, тут член в бабе не утаишь, – Семен громко заржал над собственной солдафонской шуточкой.

– Неужели кому-то есть до нас дело?

– Еще бы! Тем более, Любаша – женщина с прошлым. Я тебе, как соседу, должен о ней рассказать, а там уже сам делай выводы. На Любашу, как она сюда попала, сам Батя глаз положил. Не сразу, где-то через месяц. Но бабы, они же дуры. Не поняла Любаша своего счастья, быстро окрутила разведчика. А того еще месяца через три дед Мороз своим посохом окочурил. Вот находятся же на Земле идиоты, которые даже деда Мороза боятся, – Семен, дав волю своему возмущению, ненадолго отвлекся от рассказа. – Батя какое-то время злился на нее за то, что по большому счету она его проигнорировала, но в последнее время вроде как начал менять гнев на милость. Только Любаша кочевряжится, не устраивает ее, что у Бати уже есть три женщины. А здесь и ты очень кстати подвернулся. Нормальный мужик, не чета этому паршивцу Артуру. Кстати, готовься к разборкам с ним.

– Уже, – коротко ответил Валерий.

– Что уже? – не понял Семен.

– Уже разобрались. Какой-то дефективный подждал меня у Любиного дома. Пришлось устроить ему сеанс легкого членовредительства. Наверное, это и был Артур.

– Шустро ты. Небось, с жениховством так же быстро решили?

– Как догадался?

– А чего тут догадываться? У нас в смысле секса не забалуешь. Негде. Если организм требует интима, приходится выбирать: отказать женщине или организму. Но я тебя предупредил. Еще вопрос, почему Любаша повисла на твою шею, от большой любви или желая насолить Бате?

– Но Артуру она все же отказала, – возразил Фролов.

– Да, отказала, тут с тобой не поспоришь. Но обмозговать дело все-таки стоит.

– Потом обмозгую. Уже поздно, а завтра с утра опять на охоту.

Перед Леклером и Валерием нарисовался один из мелких начальничков, каковыми были почти все прихвостни Оглобли:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.